

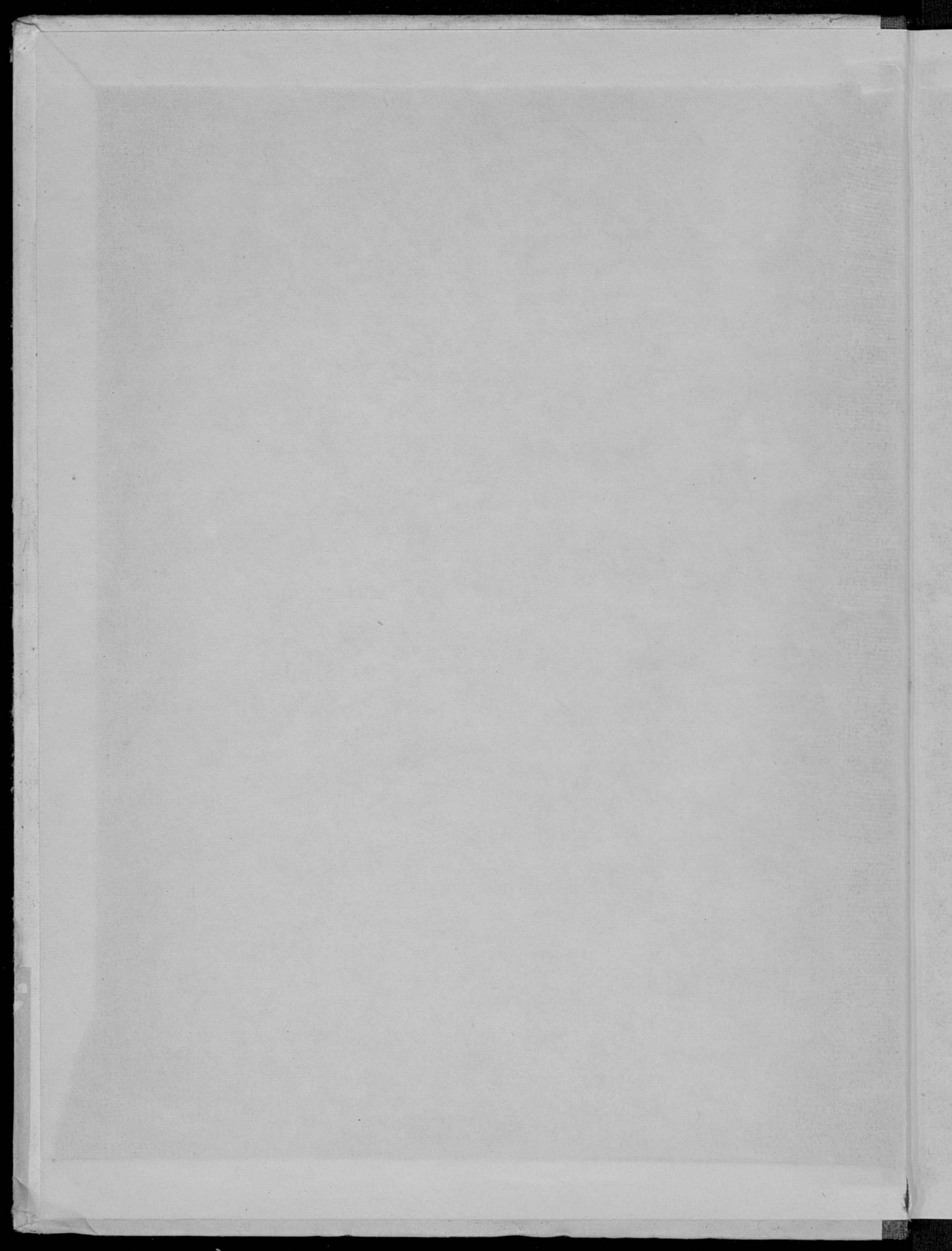
2-
АКМ

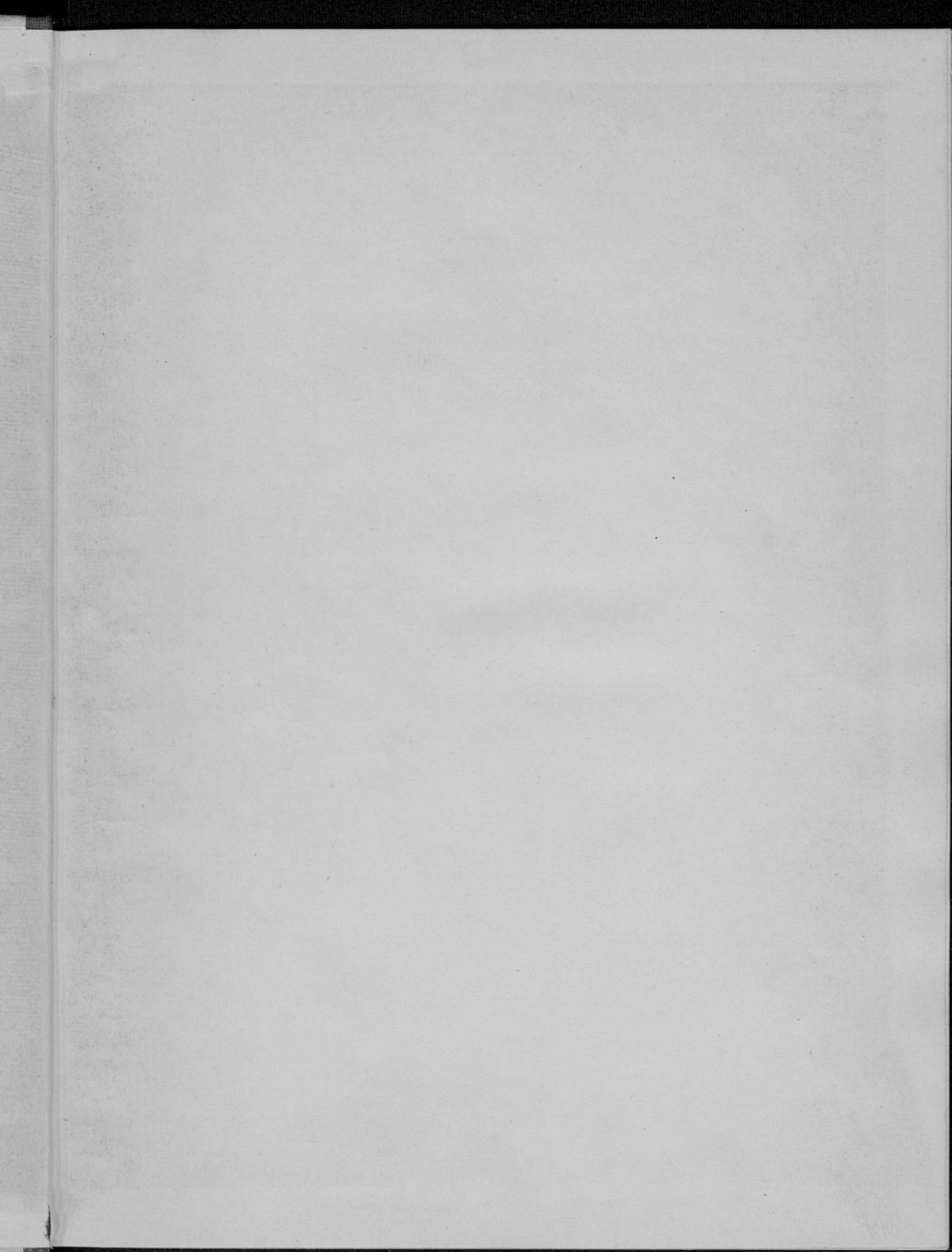
Т. С Ё М У Ш К И Н

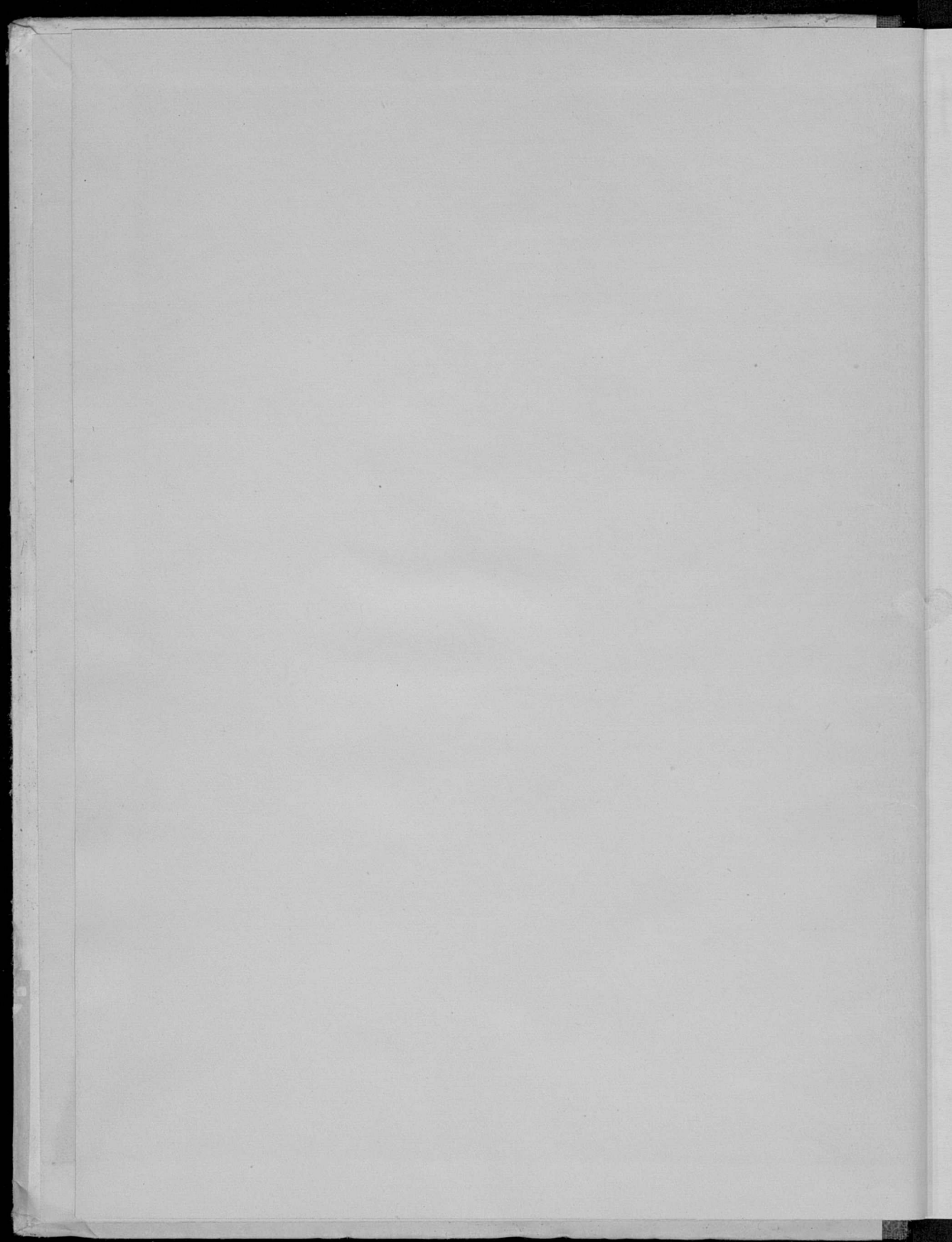
ТАЛЕКО ПА ТУ В ПАТТАПТЫ
ЛИЛИТА

У Ч П Е Д Г И З • 1951

1937
3-37

T. C. ...

THE ...
... ..

... ..
... ..

... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

Т. СЕМУШКИН

ТАЛЕКО И ЕГО ХРАБРЫЙ ЛИЛИТ

НА ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЁЛ *К. Н. ДАБИН*

РИСУНКИ
В. А. КУСТОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1951 МОСКВА

Хант.
13-37

Т. СЕМУШКИН

ТАЛЕКО ПА ТУВ ПАТТАПТЫ ЛИЛИТЛ

ХАНТЫ ЯСЫНГА
К. Н. ДАБИННЫ ХАНШСА

РИСУНОКЫТ
В. А. КУСТОВ ВЕРЫС

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1951 МОСКВА

13-3

Л. С. С. С. С. С.

НАСТАВЛЕНИЕ
ТАБЕЛИ НА ТЪР

КАНТЕ РЕПНА
К. П. ДАВНИДЪТЪ

ПРОЛОЖИ
В. А. КАСОВЪТЪ

ре
К
я
э
н
к
я
ш
а
ш
Х
Т
ш
П
Т
Х
М
В

Ювотынг урок метмотты шенгк хува ус. И хун тув парыс, нявремыт етпины школа эвыт Талеко ким хухытмыс. Кев ухты эвыт кев ухтыя навырман, тув юрл муйкемны ярангаит хоси хухытмыс. Январь мелык эвыт па тотым тоньсь эвыт кев ухтэт ворхыт. Нямык тупыр патнгыт нивынга йиснгын па кев ухтыны нёссангын, но Талеко и ий пуш ант па кериис. Тув навурта шенгк тус хоя ус, си куш тувет туп янг от ус. И школаны ант ки унтлтыйтыс, тув тутн хувын шакыт ветпыса янгхыс. А вот интам хутые ветпыстыта мар антом. Навага хутые ветпыстыта ям!

Талеко тэрматыс. Ведь сора сёрыс торосытны тылысь ханемыт. А патламны енгқ кута ант мантын.

Тытл нохшик ермыттым, Талеко ярангаита ёхтымтыс. Тув тэрмат вой сох тартып нох атэмыстэ па анкета сумкаит шашимсытэ. Сятта тув тэрмат няшет, шакыт сох хирет вустэ па ов пета шушмыс.

— Талеко!—анкет тур сый сымытыс.—Нанг муй, хотты хонтата номыс версын? Нанг муй ёремысэ, муйсыр умысь манэм питл, хун ма школьной айкет хуттым?

— Анта, Уакат! Ма сяха потыртытам, хун еша хутые веттым,—хухытман похие хивемыс.

Ёнтысман омсым Уакат, хотна мотты потыртыс куш, но Талеко вуш сёрыс шип хонинга хухтыс.

Тув ювпетны, вангкльйман па кевыта нётлны хойман, Лилитл нюхтысыс. Хулэнг, пунынг Лилит. Тув йивотап шакыт селья нэрысыс. Тувыт и люпитта ант куш рахыс, туп Лилит тамись номсынг па нявлык кутия ант ки ус. Си киньси Лилит сэмнгытны няхта па сялта мошитыс. Талеконы тув тытл этлытысы. „Новы пунып кути хийта па нюра-вара тэтотны тапытта,—Тенмау акет потыртыс.—Тув иси па нэмоттыя ант патмыт“.

Но Талеко Тенмау акет поиксытэ, тутн кутет антат ветса. Тув иси хатлны кутет Лилит нэмны мастэ. „Лилит“ ханты ясынгни—„Пос пельк“. Си вуш эвыт Талеко Лилит питны уны тухыснгын.

Няшет иты павтым Талеко нох тотимтыс па тув ювпетны хухытты Лилитл касятыс. Талеко кантымса. Тув кутета хиньсимтыс па кантынга нюхмыс:

— Лилит, ёх!

Кусяит кантынг тур сый эвыт кути нох вотыис. Тув пир курлэнгкенгыт ухтыя омсымтыс, ёнтман пунынг тывыт ревийта питсытэ, мет тухсыта нявлыка няхийтман, куш Талеко венш кантынг ус, сэм хутипнгыт пуниратман, патымнгыт вортман.

— Ёх, Лилит!—па ий пуш тув увытыс.

Но туп Талеко еты хухытмыс, Лилит нох торытыс па, мет вотны атэмым пос, похлэнгки ювпины тёрымтыс.

Талеко хутым пуш нох тотимтыйтыс па хутым пуш кутета хиньсимтыйтыс. Туп Талеко полшинг тяксыс: „Лилит иса ошты йис, туп манты вурекны ант маттэ“.

И хиньсипсыны, и поикны—амп поших нэмоттыны ант онтастысы. Кашинг пуш, хун тув хувын нох омсыйтыс, кусяит хоси манта ант кашасьман, тув веншл отшам хорасып ус,

сэмнгыт етэм иса ант тайсангын. Ин тутн тувыт патигыт эвыт вута па яранга тыпия ювытта!

Рува хонынга ёхтым Талеко шакыт сох хиры ухтыя омсыс. Ий кум, и тув тутн сёрыс торосыт унта хирет ухтыны нёт иты ит туты. Шакыт сох кер ухтыны яма нёсл!

Талеко курнгытны вутсийтыс куш метшаньста, хотсат тув ювпетны сыинг амп хорытыпсы хутмыс. Тув ёхты каремыс, и веншл няхны ёхытса. Питы па еша ёврашик сэмнгыт нявлыка суремыснгын. Лилит сит киньси тывыт ревийта питсытэ.

Ухны кавсятман, Талеко нявлыка лопыс:

— Эх нанг, Лилит! Нанг школаны тамиты омыссын ки тутн!

Лилит туп тами и тавтыс. Хун кусяит нявлык тур сый хутмыс, тув иси омаат омысты тахет эвыт сохнэмыс, хиры ухтыны омысты Талеко хоси ёхтымтыс и тув шанш ухнгыт ухтыя тэтыс.

— Я, тувы,—Талеко нюхмыс,—мантымын.—И тын си морт сора хатымыснгын, муй Лилит сэмнгыт лап лангксытэ и тытл ёх ермыттыс.

Енгкынг харет кутны Талеко таськама па амтынга тыт татмыс. Торосыт и атэт тотти хорамынг хореп енгки паит тылысь новыны моньсьны лопыттыты отыт иты катсыт. Тыв тылысь новыны мет новы вохны шошимсаит, и тыв хуттысыт, мет школа карты тангыт.

— Лилит, ванта,—Талеко нюхмыс,—там отэн парашют хорасып. Парашют утэн?

Но Лилит вуш еты хухытмыс; тув иситы амытман ус.

Тэрмат курымны, порти ёшны тайман, Талеко шушис. Тув шаншлны шакыт сох хирет па няшет ревеснгын. Тув ёрынгашик енгк пасты порти тытны хатсийтыс па моттыя хутнтейтыс.

Реп ухты эвыт, хота курт ус, мир тур сый па амн хорытты сый сасис. А еты пета, енгкыт кутны, утанг нуптынг сёрыс сый туса сасис. Туп мет тэвын турымны енгк, и шимыт куш, певытл: сёрыс овны рома отты вурекны ант маты. Талеконы тами иса хувын уты.

Лилитл тув етпетны хухтыс. Тув енгкыт кутны хухтыс, ванкутл кусяит пета ангкырмыйтыс. Но том муй сирны тув тэпыттысыйтл! Том ванта: муй пата тув нох вотыис па сэм-нгытны няхыт?

Талеко тув хосьла шушл па потырл:

— Лилит, нанг осьмаренг! Нанг нумыстын, маныт тавыт-тэн? А нанг, Лилит, иси па маныт ант тэпыттытэн! Нанг ант утэн, хотта манта.

Кутет васькийман макыртым Талеко нявлыка нюхмыс:
— Сит пата и тавтыстын. Ма утэ-эм.

Лилит нох торытыс и паси еты хухытмыс.

Няххытымшик Талеко кимит пелька, уны енгк пай тунга понантыс. Лилит нох тотимтыс, пунынг ухыт нох атэ-мыстэ и, метмотты номсыт тохатым, кусяит пелька понан-тыс. Тув кусяит сора этты ёхытсытэ. Тын торос этты пут-лыснгын.

Хота там ванны сунгы ус, тота йитып енгк тывыс. Хота катра енгк йитып енгк питны эха питнгын, тата Налек-ойка омсыс. Ойка пунгытны уны потым хут пай отыс.

— Акия! Хутые утл?—Талеко хивемыс.

— Ар куш ус. Интам пелькны, етышик маныс. Тата ин каттыста вотыис.

Талеко ойка хоси шушемыс, ий хутые вус и, еты ман-тэтсат, хутл нюнгхырта питсытэ.

— Муй эптынг хутые!

Еша етышик маным Талеко карысь торос ухтыя хунгхыс

и тувет мустыты тахи касятыс. Торос эвыт иты вохытман, тув ухыт енгк вантсытэ па ай омлэп пухытта питыс.

Рупотаит етшиптым Талеко ёрыт муйкемны па верл утэт кемны навага ветпыстыта нармыс. Тув ай хорл ай пунынг молыпсилэнгкины, сох касьлны и пунынг ёрн веингытны ху- вытта питы вурткам мойпыр поших хорасыпа ус. И тув ова- мыпсэт, хун тув няшет йингка эстыйтсытэ и нох няремыйт- сытэ, мойпыр поших хораспыт верса.

Хут манынгни йис па нюры няшия петыс. Кат ёхартэп няшия хут шангкап тахыртл.

Талеко венш кашинг ус. Кат туйны, няши сухым тэрмат татман, тув хут нох татыс. Няши хут лак тыва петыс. Мет- мотты путянг хут ветты хо Талеко хут нох сохымтсытэ па енгк ухтыя воськыстэ. Ювытмет сахат сех шивемым хут рома отыс.

Лилит тув хосьла наптыс. Но хун хут хоси тув ванамыс, хут метмотты кит туш эвыт верым пуржина, ёвыртыйтман, нох эстымтыс.

Лилит питы нёт тый нох торытыс. Пакным кути шаншит этты каремыс па ёхты ант па ангыртыйтман навырта ювтан-

тыс. Ий пельк эвыт тув уны хут пета вантыйтыс. Нётл хотна торинс.

Талеко сыинга няххытыс. Тув няшет вут татсытэ па ий унтл кат хут нох татыс.

Ий хут тув Лилитла воськыстэ. Ротан лакка тёрымтым Лилит еты каттэм курым вуша эстымтыс.

— Пакынсын?—катна навага эвытты Талеко нюхмыс.— Интам тэва.

Лилит хут сюнгк хоси шушемыс, хурийманшик эпсысыйсытэ, нётэмыстэ па нетэмыстэ.

Новы лакытны торосыта хасьшик хойты тылысь енгкыт кута лангкысыс. Хут яма и яма тухымта питыс. Омлэпыт ванпысны ар потым хут вуш отыс.

Лилит мортл унта тэс и интам хонл нох вортман шакыт сох хиры ухтыны отыс, утман-утман сэмнгыт тупшик нох пуншийтман. Метмотты тув кусяита шенгк ант ямастыс: антат тутн маныс.

Тылысь лангкыс. Хусыт катымтта питсыт. Рымыш эстыста питыс. Хонынгни реп мевытны, хус иты, тутлэнгки хуттыс. „Там школьной лампа“,—Талеко нумысыс. И, тувыт вотыт-симан, нюхмыс:

— Я, Лилит. Шимыт патлам—сит ай вер. Сяха школьной лампа пета манта мошиттымын.

Талеко хиры тэт навага ёх тута кашасис куш.

„Вот Уакат амытл. Тув куртынг мира потырттыттэ, хоты Талеко ар хут ветыс. И унтлтыты имия тута рахыт. Ведь тув иситы хут люпитл“,—ветпыстыта наресты Талеко нумысыс.

Иса катя и катя хусыт хуттысыт. Торосыт вуш ант сурыйсыт и тэт хотты паета катсыт.

И хун патлыс, Талеко тэрматта питыс. Хутны тэвтым хиры тув пенгкынг вой кетыны йирсытэ.

— Я, Лилит, ин! Ёх мантымын,—Талеко амытман нюх-мыс.

Тув кетэт вустэ, тувыт тангкрыт этты воськыстэ и, мет ун вой ветпыстыты хо иты, хирет мув хар хуват татта пит-сытэ. Тув иси путянг ротан нох тотимтыс.

— Я муй симись пись? Муя школьной лампа хурытыс? Ведь тув там артны нэмхунтты ант хурытыйтса.

Талеко хирет хийсытэ и тэрмат енгк пай ухтыя хунгхыс. Курнгыт итпины Лилитл торастыйтыс.

— Лилит, пака, ат торастысыйта,—поикман Талеко нюх-мыс, нумысман хонынг пета вантман. Тут школаны антом.

Том пелькны тупшик моттэт катсыт: тыв муй хонынг хорет, муй па енгк торосыт, муй па ат патнгыт.

Талеко кимит унышик торос ухтыя хухытмыс. Туса еты вантман, мет тытл нохшик ермыттыман, тув и нохшик ом-сыйтыс, и пататтэт туваттыя кур нётнгытны атмысман нох тотийтыс. Тув веншл нова хатсис.

Талеко сэмнгытны тутлэнгки хув мар каншсытэ. Юво-тынгны, тув туп-туп сюлпаты тут сэм касятыс. Там тут сэм хотты пелькны ус. „А мосынг па, там хус? Антом, хусыт тамиты иты ант эстысыйттыт...“ Номысны ёхытса: енгк тох-нэмыс и овны тусы. Талеко паттапны ёхытса. Тув ант кашасьман тутл пуншсытэ, хивемыта тутн, но тутл иси путянг ёш патны лап лангксытэ. Увта паттап ус.

Сэмнгыт тут эвыт еты ант тувман, тув ант нёхамыман тотис. И хун сайкымтыс, хивемыс:

— Лилит, енгкемын тохнэмыс!

Талеко торос мевыт хуват иты хатымыс, нох тотимтыс па еты хухытмыс. Тув си сирны паста хухтыс, хотсат, мо-сын, нэмхунтты утыпсэтны и ант хухтыйтыс.

Нятмыт ким лакным Лилит ёх хисис. Кутет отынгни

ёремым Талеко хухтыс и хухтыс. Ювотынгны, тув кутет отынгны номыттыс, хухыттэт сахат ёхты ангкырмыс и, еша шимыт хухытмет юпины, нох тотис.

Лилит восымтыс. Талеко кутет хусты ёшнгыт ухтыя атэмыстэ и паси еты хухытмыс. Тув шангкымса. Ротан Талеко йингк сюртас хоси ёхтымтыс. Енгк тата хулы мас. Тув ротан тывемыс и питы емынг вой иты нямылатман па вутнга ювман шенгк хува маныс. Тув мет тытынга ус. Похлэнгки—паттапны ёхытса. И, хут ветпыстым ойкаит номыттымет юпины, тув тасит сёрыса увемыс:

— На-а-алек!

Там тоньсинг таты харыны тув атэт хусты тур сыит паттапынга сасис. Тув атэт, хоят утты тахет эвыт хувын ус.

Талеко мет питы ас хонынгны тотис и ант устэ, муй верта. Кутет хошим ух пухтымыт хоси катлман, тув тёпемыс:

— Лилит, хутые эвыт хува хонтата ант мосл! И няшемын тота. Тэтот такты мин сора сёхырттамын.

И, па ант нумысман, тув тох, хота хуттат хийсытэ, хухытмыс.

Наваганы тэкмыттым хирет ветым шакыт иты отыс. Талеко амтыс, хун тувыт касятыс, па тув ухтэта омсыс. Ротан тув пирысь вой ветты ёхыт эвыт энгкыт нюта тапылатты вер отынгни хуттийтыс, нох торытыс и уны энгк торосыт кута алэмыс, сунгет эвыт хувашик.

Энгк паит кутны еты манман, тув хирет энгк хар хуват татсытэ, туса еты па лакка вантыс. Исат лакка—энгк паит па сит кинси энгк хулэт—нюта тэвтисман отсыт. Туса ванман сэмнгыт вевтыя йиснгын.

Талеко нох тотис и турым хар ухтыя ангкырмийтыс. Тув каты хусытны мет аты поснгыттысы. Лакка нэмхоята ант уты патлам хар. И там патлам хар кутны торосыт воег иты, тоньсьны лап питым ярангаит хораспия утсыт. Ий тахины тоття паттап ус—еты манта ям.

И Талеко паси еты шушмыс. Тув шушис и шушис, нох ант вотыйтман. Хотта Талеко шушис, тув и сам ант устэ, тутн сунгы эвыт хувашик. Ювотынгни, тув уны энгкшиви умсямыстэ.

Хирет хийсытэ па Лилитл тув ухтэта омсыптыман, тув портет ёшны тайман энгкшивет лакка мохыттытэ и тув тыпетны ай энгк хотые тампи лот шиватыс.

„Тата мосл ханемыта“,—Талеко нумысыс. Ротан тув курнгыт итпины тытынг ота хоис па еша пакныс: там Лилит ус.

— Яранга уитсым. Вота ки йит, тата яма питл. Лилит, хиремына мантымын,—Талеко лопыс.

Ювына йис, и похлэнгки энгк хар кутны хисьта патыс.

Тув энгк тыпи вусла тангыс па портетны хот харет тыс-тамтта питсытэ, энгк поитат ким тэмман. Пунгытны утым тоньси паитны тоньсь астана верты номыса павытса. Пора ант тохатман, тув рупитта нармыс.

Талеко тус хоят иты портетны тоньсь кармысит ваньсис

и тыв наттатны овыт лап шавийсытэ. Рупотаит еты паста маныс. Ай вусые хиим Талеко вангкман, енгк хот тыпета путлыс. Тув сырыя тэсытым уны тоньсь кармысьл вустэ па ётлта енгк хот тыпет машьяя версытэ. Енгк хот тыпетны патлама йис.

Но тата патлам эвыт патта ант мосыс. Лакка еты шашим ёш кема енгк астенаит утсыт. Талеко потым хут вус па нюнгхырта питсытэ. Тув шакыт сох хирет ухтыя омсыс, Лилитл шанш ухпытнгыта омсыптыстэ. Матысман Талеко пунынг тухсыт таптыс. Нэмхойтны ант шукатты хусты сый

кутны сасис, хотсат Лилит пенгкытны навага тувьет мошийсыт. Талеко отмыт ант йисы: арсыр номсыт ухыта йисыт. Номыстатны куртыета тув тусы. „Мосынг, Налек ойканы хувын вуш потыртсаит: и анкета, и учительницаита, и

Тенмау акета. О, Тенмау аки—тув мет уны хо хоньнгны. Тув сёрысны мира нётл. Хун шива йит, тув ревун-сиренаит маякны хува-хува сасьл. А патлам атны тув сёрыс ухты нох хуттыптытэ: пароходыта пант памгыт,“—Талеко нумысыс. Тув па ий хутые хирет эвыт вус, кат пета муремыстэ па Лилитла мийман нюхмыс:

— Тармыт, па ант матэм.

Талеко анкет, ям хошим ярангаит, каврым шай отыннгны номытмыс. Турл каншта питса. Талеко тоньсь шепыс, но сит эвыт тув турл каншта ант вотыис. Талеко йингк верта сам вутсис. Тув посл тоньсьны тэвытсытэ па хунгын патла метшистэ. Посл эвыт шимыт иськашик йис.

Ротан тув патл унта мет муштысым новы мойпыр ёнг-хырты сый тампи сый сымытыс. Талеко тытл лап ерымса, турл хут шупны омысса. Тув хурийманшик нумысыс: „Ант муй вурастысым?“

Ван мар парым кемны сый паси сымытыс, па Талеко сирена сый оша версытэ. Тоньсь питрыт еша шукатым Талеко иси путянг енгк хот тыпет эвыт ким вангкыс. Тув курнгыт ухтыя тотимтыс, сэм хоренгытны ванкутл рапсамыман, мет оша верман, сэмнгыт катэнгын муй. Муй тув касятыс, сит памтыпсыя ус. Пунгытны айтта прожектор ёш новы хатысыйтыс. Лакка керытты прожектор маякны ат патлама эвтантыс па, енгк торосыт кутны матысман, хусыт лап хурытыс. Ёш новы муй па паста, муй па айтта, муй па карся турым хар ухтыя этымыман хатысыйтыс. Па хасьпа метмотты тув ёнтл, мет Овыс хуттыпсы тутыт ёнтты сирны. Паси ревун сыит тыв тусыит. „Муй сирны сит? Хоты си вуш эвыт, хун ювотынг корабляит мансыт, Тенмау акем рутситл“. Прожекторны похлэнгки нох хуттыса, па этырхары енгк торосыт ухтыны ай кумны новы хуттыпсы равесыпсы ёнтта питыс.

Там вантыпсэт эвыт ося питым Талеко амтыпны ёхытса. Тув сэмнгыт тохе ант тувман, прожектор новы ётлта тустэ, па иси путянг тув номсытны ховытыс: метмотты Тенмау акет маяк ухтыны тотыл.

Пос такты туйтат певымсаит, но иськи ант хутты Талеко ёш патнгыт вортяттыта питыс, якта нармыс па хивемыс:

— Лилит, Лилит! Тыв юва! Мин Тенмауны канштаймын!

Тув, якта ант вотыйман, кутет ёшнгыта атэмыстэ. Антом, тув атэт антом. Прожектор новы томпыны тув отнгытны нумысты мир ус, тув каншса. Талеко пионерской галстукыт саптыт эвыт вус, порти хоси йирсытэ па енгк хотл ухтыны флаг тоньсис.

— Ин, Лилит, ванта. Тувы мин хувьтта ин ат утыймын.

Рупота эвыт па амтыпсы эвыт туймым Талеко енгк хотл пета анкырмыс. Туп хотл тыпия вангкта ант тангхамыс. Тенмау аки новы ёшит пета вантта тангхамыс.

Туп сэмнгыт туймым эвыт лап лангксангын, Талеко тув енгк хотла вангкыс, паси овыт лап версытэ па шакыт сох хирет ухтыя омсыс, Лилитл мевтыта нёрытман. „Тув я муй ут, там Лилит? Хоты тув ий пуш па амп ухыта ант кырын-тыйтса“.

Талеко отмыт йита питса, но номыстат прожектор отынгны, ревун отынгны, хонынг отынгны, отты вурекны ант масы. Ювотынгны, веншлны нямык хошим амп пуна мет-шиман, тув мангынта питыс.

Ювын Лилит хатысыйтта нармыс, ёшнгыт эвыт вуратыйтта па орыта питыс... Талеко нох верытыс:

— Нанг муй, Лилит?

Кути хорытыс.

— Нанг муй, Лилит?—нумысыйтман Талеко иньсьмыс.— Мосынг нанг нумыстын амп ухыт тыве ванамыт?

Амп поших ант вотыис. Талеко енгк хотл эвыт ким этыс.

Ат патлама вантты Талеко шиватыс, хотсат пунгытны тэрмат мотты уны от хухтыс. Талеко пакныс па кутет тут лап катлсытэ. Прожектор новы ванамыс. Па сиртны Талеко новы мойпыр оша версытэ. Похлэнгки ромамыс. Прожектор ёш новыны мойпыр этты ёхытса. Енгк хар куся кусты лакка анкырмыс, ёнгхырмыс, хорасты хув саптыт ревийта питыс, пунынг ёшнгытны ревемыс па ёнгк ухтыя иты керийс.

Новы мойпыра симись ант уты па номса ант ёхытты вер тывыс. Там уны ром, потым енгк харны сэм лап сюлпатты ант уты враг ховтыс. Ревун сыя хутнтты мойпыр нох тотим-тыс па, пакынман, енгк торосыт кутны лангкыс.

Талеконы усы, муй новы мойпырыт утман-утман наптый-
тыт. Но тата, атэт тахины, ханнэхойт эвыт хувын утман,
тув пакныс. Талеко ёшнгытны амп пошхыт тут така катлсытэ.
Лилит мохемыс, новы мойпыр сэмнгытны хусты ётлта тустэ.
Талеко портет флагыт питны вус па паси енгк хотл тыпия
тангыс.

Талеко шанш ухпатнгын ухтыны омысты Лилит инси
ромамыс.

— Нанг паттапты, Лилит. Мосынг, мойпыр нумысыс, муй
тата шангкап вой ветты ёх уттыт. Нанг тувыт хорытты
сыенны пакныптысэн,—Талеко хусты-сыйты нюхмыс.

Тув еша хусты утыс па нумысыс: „А мосынг па, мойпыр
енгкыт кутны Тенмау фонарьны вошатта?“

Талеко сэмнгыт лап лангксытэ, няххытыс, кутет апыттыс
па мангынмыс.

Ат туса парыс. Енгк хот тыпины нова йис. Енгк мухты
па тоньсь питыр мухты новы вевтыя путлыс. Талеко нох
верытыс. Тув посл ким татсытэ, тавытман нох тарпытсытэ
па эптынг йингк яньсис, хотсат тув оша верым сирлны. Шоп

хоты, йингк шенгк шимыт ус. Симись вет от муй па янг от, иси путянг тутн яньсьта рахыт. Талеко посл сорлсытэ, хот-сат сит шангкап вой ветты ёх верынтсыт, тоньсьны тэвытман си унта, хун тув иса йингкыт ант каншлтыттэ. Хисим енгк поитат послны тув сэнгксытсэ, ий хутые вус па енгк хотл эвыт ким этыс.

Хусыт хурытсыт, тылысь ховытыс, хатла йис. Енгк пои, матот тыпины Талеко хот верыс, уны шип иты нохты маныс. Портет ёшны катлман, тув वोся посъл хуват нох хунгхта питыс. Талеко мув па хоньнг пета ангкырмаyta вутсийтыс. Но хоньнг ант катыс. Том пелькны тюк шив катыс. Тавырт па нивынг, хоттынг нюлак пун тампи, тув мет мув хар ухтыны вангкыс, хоньнг па сангхмыт лап лангкман.

Кимит пелькны хатл куттып новы эвтантыс. Хатл, мет-мотты потым енгкыт эвыт патман, этымыс, мет этта ант кашасьман. Па ротан, метмотты уны сёрыс пельк эвыт, тут тампи хатл ёшитны турым хар отынг вуситса. Лакка отнгыт ант сохынты шукатым енгкынг харет отсыт. Па там кантынг уны иськи таты хар ухтыны рома йис.

Талеко няххытыс па нумысыс: „Каша ям!“

Шив иты па иты эстысыс. И сангхым ухтат катта пит-сыт. Метмотты тыв мув хар эвыт нох атмыссыт и, мет уны йилынг кораблит иты, турым хар хуват нопытсыт.

Шив ара сэвеста питыс.

„Мосынг, мир маныт татта туты номыс вертыт. Хоты ин катра закон антом, хун ханнэнгхо тыт этлтыта ант рахыс па тунгхыт канмыттыта ант рахыс... Но, итампн, сунгыны ант эслта. А мосынг па, ин сунгы вуш антом?“—нумысыс Талеко.

Тув мет карысь тахия хунгхыс па флагыт тоньслсытэ. Татта йитып енгкны потым ай лотые катыс. Тув сопас пата хут ветты каш верыс.

Омлэпие ухтыны макыратым Талеко няшет эстыйтсытэ па нох таттйсытэ. Но хут тата ант ветысыс, па тув мет оинг тахи каншта маныс.

Тув шушис ант тэрматман, тувыт нэмхунтты ант утшиты Лилитл питны шушис. Хутым питы точка—амп поших нёт па сэмнгыт—тоньсьны лангкым енгк лотые ухтыны катыя катсыт. Лилит енгкыт кутны тыстамтыйтыс па новы тоньсип лэпык инси там хораслны касятсытэ.

Ротан тув нох тотимтыс, милыт нох вустэ па мотсыр ант уты сый тув патл вуша ёхтыс. „Кай муй хува енгкем нопты. Ревун сый туп-туп сасъл. Антом... Там ревун антом ... ийвотап увыт“. Тытл нох ермыттым Талеко тотис, мет кашасис оша верта, муй там. Па муйкем хув хутнтыс, си киньси тув сэмнгыт сурийта питсангын. Симись сый туп самолёт верта мошитыс.

Талеко апрынга хухытмыс ван лухым торос хоси па хоннгыт касятыс. Шив ара маныс.

Талеко сэмнгыт турым хар хуват паста туттис, вантман, самолёт ант ки катымтл. Па ротан тув турым харны питы точка касятыс.

Талеко хивемыс:

— Самолёт, самолёт!.. Там самолёт. Ма угэм!

Самолёт сый сыинга и сыинга сасыта питыс. Питы пос турым харны уна и уна йита питыс. Талеко тэрмат енгк пой ухтыя хунгхемыс.

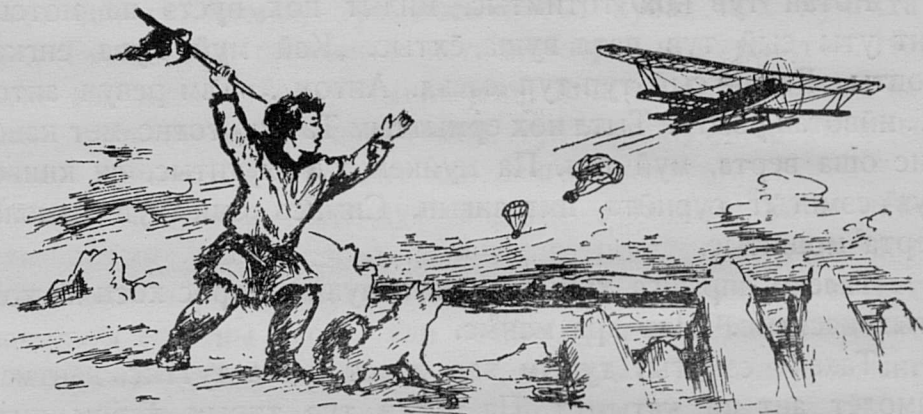
Тув портет флагыт питны нох атымсытэ па тувыт ревийта питыс. Тув милыт такты тотис. Сэмнгыт амтынга хуттыта питсангын. Кусяит пета вантты Лилит тывыт ревийман во-сыйтта питыс. „А ант ки касяттыттэ?“—паттамыман Талеко нумысыс. Ин пропеллер шовийты сый ошинга сасис. Самолёт увман Талеко хоси ванамыс. Там тув иты эстыста питыс па

керытман похлэнгки ухпыт нумпины вантлта маныс. Самолёт
лак мохыттыс па марыкнгытны кавысьхымтыс.

— Самолёт, вуся!—Талеко хивемыс.

Но самолёт хува, овыса, маныс.

„Мосынг, татты тахи каншл“...—Талеко нумысыс па тув
ювпетны куш хухытмыта вутсийтыс, хотсат самолёт ёхты
каремыс. Похлэнгки нумпины мантэт сахат лётчик самолётл
эвыт кат минип ювтыс па сятта хонынг пета каремыс.

Ухыт нох атмым Талеко хусты сыйты самолётл пета
вантыс, хун питы точка турым харны ант лангкыс.

Римхымтта питыс. Йитны-йитны хусыт вуситта питсыт.
Тылысь иты и иты эстыста питыс. Талеко минипнгыт хоси
хухытмыс.

Тув энгк хар хуват татман миньпыт энгк хотла тустэ.
Патлыты унта тув кимит миньпыт тустэ.

Тув энгк хотла тангыс, хирет ухтыя омсыс, еша туй-
мыпсы хутман, тув милыт нох энгхсытэ, шангк йингкыт нох
мунгхыстэ. Тув ухыт хасыпа энгк хот тангыта хоис. Еша
рутсимет пуш похлэнгки амтынга нюхмыс:

— Я, ин еша рахыт и нох вантта. Лилит, нанг хота?

Самолёт
па тув
ёхты
молётл

Талеко сотпыт нох матыстэ. Кешет сята ант ус: „Ай, я-яй, кешем тохатсэм!“ Тувит ин ант уиттэн вуш патлыс. Тув хирет нох тарпытта питсытэ. Хув патлам кутны матысыйтыс.

— Кай, Лилит! Сята асвечка матыссым. Яна па, там свечкаит! Серанка па утл!—амтынга тув увытыс.

Енгк хот тыпи асвечка катэнг тут хуттыпны хуттыса. Талеко няххытыс:

— Лилит, ванта сар, ванта! Ведь там вуты тахты! А там отты пунынг хир! Пака, пака сар, сята па мотты утл!

И Талеко отты хирет эвыт тэрмат примус ким татыс, вотсям кутны керосин банка па шай пут.

— Па муйсыр ям лётчик! Я хоты, нанг утэн, Лилит, ведь мин нанг питэнны сора шай яньсьта питтымын!.. А там па муй пата? Вурты топыс, пионерской галстук хорасып.

Талеко тахтэт ухтыя омсыс па кимит миньпыт ёхытта питсытэ. Тув рупотаитны ситы тарынтыс, муй тув атэт утыпсэт отынгни исат ёремыс.

Там хиретны тэты сопас ус. Ант пакман ёхыттэт кутны, Талеко ротан хивемыс:

— Письмо! Письмо! Письмо! Лилит!

Конверт нох пуншман, тув амытман сыинга тунгытта питыс:

„Талеко!

Герой иты ута! Сялты номыс ат вера! Ин ма нангыт сэма павытсэм па хотэвыт атынгашик ёхыттым. Пухрема ки йит, нанген еша пакемыта мосл. Нанг ат пата, ма нангыт исипа енгк ухтэн эвыт нох вутэм.

Нанг вотих лотые канша—тув сята нанг пунгтэнны. Енгк муй кутат таит нох меряйтэ. Хус сантиметр кутатты ки,

вурты флаг атма. Ма нанген вурты сешкан топыс понсым. Хус сантиметра кутат ки антом, сиртны флаг ат атма. Самолёт рохынъта мошитл. Ин утэн, муй вер? Вот и си.

Нанг тухсэн лётчик *Томилин*“.

— Тухыс,—Талеко нюхмыс па няххытыс.—Муйсыр ям лётчик! Лётчик Томилин. Тув мунг школаева емынг хатла ёхтыйтыс. Там тув маныт тангкрем эвыт ёш патыны похтяттыстэ па потыртис: „Нанг ям пох, Талеко. Нанг новы мойпыр як туса яксэн“. „Шоп, ма новы мойпыр туса памытсэм“,—ёр кемны тув нумысыс.

Талеко Лилитл ванашик татсытэ па йитпа сыинга тунгытта питис. Лилит пунынг ухыт нох атымсытэ.

Талеко устэ, муй Лилитны исат утыит. Письмоит отнгыт эвыт отнгыт унта моттыкем пуш тунгытсытэ. Талеко тунгытта люпитис. Ювотынгны, тув письмоит тавытман пухыспета ханятсытэ.

— Я, тэта питтымын,—тув нюхмыс па консерва банка вус.

Похлэнгки паси кешет отынгны номытмыс па кантынгашик тыштыс. Банка енгкны шукатта рахыт. Талеко банка паты енгкытны юрыт муйкемны хатсистэ. Енгк сюнгкыт ара тохыс. Лилит Талеко пета сомыт вантыс.

— Муйсыр нанг ошты, Лилит. Муя нанг ант памыттэн? Хоты банка порти тыйны нох пуншта рахыт.

Тув портет вус, пасты тыит нох вантсытэ па ухыт кавысьхымтыс:

— Лилит, ант мосл. Ситы туп портемын нашмыттытэмын. Хоты хотэвыт лётчик-тухсэмын пата енгк пухытта манытмын. Утэн?

Там ювын Талеко па Лилит хошим хиретнны така отса-

нгын. Хувын увты ревун сый сасис. Енгк овса и овса утты тахет эвыт хува и хува нопытса.

Талеко ротан нох верытыс. Тув нох торытыс па енгк хотл эвыт ким этыс. Турым хар хусынг ус, енгк нумпины питы ат тотис.

— Хотна хуньтыл анта этыс. Но исипа па отта ант питтымын. Нова йиты арт тавытта питтымын,—Талеко нюхмыс.

Па туп нова лытхата питыс, Талеко вурты топысл па портет вус па шангкап вой ветты хо ёрлны торосыт кута шушмыс ин лётчикыт ханшим самолёт татты лотл каншта.

Ин тахет ванны ус. Талеко торос ухтыя хунгыс па тувыт нох вантсытэ. Тув етпетны пайты, еша тоньсьны лап парыим хув пантые отыс.

„Вантэ, лётчикен муйсыр тахи каншемыс! Нумытта тувет, маркынг вой иты, исат катл“.

Талеко лотл хуват шушис, порти тавыртны енгкыт артатман. Енгк ханнэхо туса этмыттыс.

Моттыкем пуш портетны юра пухытмийтыс, па омлэпиет йингкны ховытса. Талеко ай енгк сюнгк лонгхемыс па омлэпыт эвыт хувашик тустэ. Пайты енгк посыл нох вантты Талеко нумыста питыс:

„Лилит, муйкем сантиметр тата, хотсат оша верта? Нанг утэн, муйсыр там мосты вер верта мосл? Тата, ведь, учительница антом. Хойны тата памтытаин?“

— „Метр...—сот сантиметр...“—сыинга потыртыс тув. Милыт потланг патэта хатымыс, венш сякыт морымны татса, па нумыстат эвыт похлэнгки шангк йингка ювытса.

„Талеко, сорашик нумыста мосл. Нова йиты арт ванамыс“,—тувыт сам тэрматсытэ.

Талеко ротан номытмыстэ, учительницаит хотсат пам-

тыйтыс: „Там серанка юхыт. Серанка юх хуваттэт—няты сантиметра“.

Талеко енгк хотла хухытмыс, серанка миньпыт атэмыс, шимыт па ант ронтман иси тахета понантыс.

„Кешем, тамныта! Тата самолёт эвыт хирыт керийсыт“.

Талеко енгкыт кешины сыстамтытэ, порти воит тоньсимттэ па тув воитны шумыт верыс. Тутн яма ат ус, енгк ухтыя омсыс, портет шанш ухпытнгыт ухтыя понсытэ па серанка юхыт поныйтта питсытэ:

„Там няты... па няты. Нивтыя йис. Па няты... катхосьянга йис. Па няты нётта... хутхосьянг. А пайтыя муй тунгытсым? Няты пуш нятыны. Няты пуш нятыны—хутхосьянг. Пайтыя...“—па Талеко кеняя татмыс.

Ветмит серанкаита еша шумтыт унта тахи ант тармыс. Си куш шимыт—серанка юх шуп кем.

Муйкем иса сантиметра?

Талеко нумысыс, тавырта татмыс па нюхмыс:

— Иси па, ярхус.

Тув йитпа меряитта нарымсытэ. Но муйкем пуш па ант поныйсытэ серанкаит—иси арат тывыс. А ий пуш сит киньси шимыт—ярхус сантиметр ант тывыс.

Талеко нох тотис, портет енгка пухытмыстэ па тыштыман нюхмыс:

— Эх, Лилит, хоты шимыт ант тармыт.

Но сит киньси Лилит ант па каремыс. Тув мет мосты верл верыс: ёшлны пат хоплыт куншис.

Нова йис.

Талеко вурты топысл пета, портет пета ангкырмыс. Тамхатл тыв ант мостыт. Флаг атымта ант рахыт. Тув вурты топысл вус па тувыт ревемыстэ. Тэвын ус, иськи. Отынгты енгк харет ар пельк пета мантыт. Йилынг систам матынг

енгк тампи ус. Хувын—хотты хоньнг катыс. А курны тох ант мантын. Хувын куш—сит ай вер, но манты пантэнны пось питым йингки лот тикмыт—и си: еты ант па мантын.

Талеко вурты топсыт питны хув тотис. Тув вутынг турым харл, хусты утты торостат, атэт тотти енгк сангхмыт вант-сытэ, па тув сит киньси шукны ёхытса. Шукнга тувет йис иса сит эвыт, муй тув самытны мостэ. Енгкны па сёрысны тув метмотты вохса. А ин тув номыстат хоньнгны усыт. Сит киньси ревун ант сасъл. Метмотты там этырхар енгкыт кутны уны антома ювым хоят лоттыман ус па нэмхоятны тата ромпысы шукатта ант кашасьса.

Талеко номыстатн куртла, школаита, тухыстат хоси тусы. Па тув кашл ёхтыс: тох манта, хота тухыстат хисьсыт па интам тыв питэтны эха утта кашасис.

Тув анкет номытмыстэ, хой питны тын катхоят уснгын. Си етн тув анкета школьной айкеттат ант потыртыс. Тув хоты тывыт хутнтта шенгк люпитыс. Анкет потрыт номыттыс сит отынгны, хотсат тув асет, тус, апринг па юр вой ветты хоя ус. Сиртны Талеко хотна ай ус. Сит киньси тув асет ант нумтыттэ. „Ин, мосынг, ма па сорыма питтым. Мосынг, ангкем сялыт“,—Талеко нумысыс и сэм йингкклат шохыт пул иты тур куттыпны омыссыт.

Но ротан тув турым хар посьны питы точка шиватыс. Тув атэт маркынг воия там енгкынг харетны катыс. Тув туса еты вантта питыс па шукнг номыстат хот утшистэ. Тутн самолёт паси ма нумпемны маньс! Но муй па сит? Том па ий пос отынг пос пунгытны катымтыс. Я хоты, мосынг, там тохтынг воет йитыт. Но муя па тыв тохтынг воета татэн йита?

Пакным лэпык иты, Талеко енгк пои ухтыя торытыс па там поснгыт пета сэмнгыт кашенга йиты унта вантта питыс.

„Антом, там тохтынг воет антом... Па хоты, там самолётыт, итампн... Катн. Муй пата хоты катн?“

Сора хувытта-хувытта йиты мотор ары сымытыс. Самолётннын паста ванамысннын. Шовийман тын ий от—ий от ювпины ванамысннын.

Талеко вотих енгк харета хухытмыс куш. Но моттыны тув нох вотыйса, па тув ёхты каремыс. Талеко пакныс: самолётннын иты татта мантыннын. Хоты тота хус сантиметр антом!

Самыт ванкутл сэнгканьсьта питыс, хун самолётннын иты эстыста питсаннын. Тын тув нумпетны мансаннын. Вурты топысл шаншл сая ханятман, тув хоннын пета ёшл ревийта питсытэ.

Кимит лакытны самолётннын нох этымыта питсаннын. Талеко амтыс, тув паси ёшл хоннын пета ревийта питсытэ па кеня тытл татмыман нюхмыс:

— Тын оша версэти! Манати хонинга!

Отынг самолётл маркытны кавысьхымтыс па ёхты манта питыс. Кимит самолётл паси лак мата питыс па иса иты эстысман похлэнгки ух нумпины маныс. Сит киньси лётчик кабинаит эвыт ухыт ким алэмыс па ёшлны ревемыс.

Талеко нох амтыс. Тув лётчик оша версытэ. Там чукча Тымнет ус. Тув русь лётчик Томилинны унтлта. Ин Тымнет утанг овыс разведчика ус.

Тымнет похлэнгки нумпины вет лак мас. Ювотынг лакытны тув мотты иты ювтыс, отынг отл сирны самолёт марыкнгытны кавысьхымтыс па сятта ротан нох атмысман хоннын пета манта питыс.

— Ям утым, ям утым, Тымнет!—Талеко турым хара ювтым ясынгтат усыт. Тув вурты топсытны ревийты верл куш ус, но лётчикыт ошты верты паттапыт эвыт тув ронтты номыс верыс.

Талеко самолётл сэмнгытны тустэ. Отынг отл вуш ху-
вын ус.

— А Лилитэм хота?—похлэнгки кутет каншта питсытэ
па сыйнга тувыт вохта питсытэ.

Енгк поет сай эвыт кутет пунынг ух катымтыс. Тув
ухпартоха нык хатымыс па Талеко хоси ёхтымтыс.

Енгк хотэтны паси емынг хатл ус. Иты ювтым посылка-
итны палатка, пушкан, патронит, книжка, консерва банка
пуншты кеши усыт.

— О, Лилит! Ванта, Тымнэтэн муйсыр! Тув туса уттэ,
муй минэмын мосл.

Посылкаитны йитып тупренгын, кат пунынг вей пунынг
кась па иса йитып поснгын утсыт. Сит киньси пенгкынг вой
па шакыт нёхи кат уны сюнгкынг уснгын.

— Па йитпа письмо!

Талеко письмоита шенгк амтыс. Тув сирлны, метмотты
тув мир питны вуш хувын ант потыртис. А письмо—ханнэхо
юкан. Хоты, Лилит туп хутнтта хошл, а тув сам ант потырл.
Тув конвертл пось пуншсытэ па тавытман нэпек лис ким
татсытэ.

„Талеко!

Ма па тыв ёхытсым, тутн нангыт енгк ухты эвыт вута.
Мин нангыт иси па енгк ухты эвыт нох вутэмын. Нанг туп
ат пата. Пухрема ки йит, нанг сит эвыт па ат пата. Нанген
мосты муй-кашнген тайтэн.

Тымнет“.

— Я, Лилит, ин ванта! Ма нангыт сар! Сялты номыс ат
вера,—Талеко нюхмыс па примусл керосинны кавсяттыта пит-
сытэ. Примусл шорынг сый питны вусемыс. Муй ям каш—
тув этыр хар тут нятымтат пета вантта!

— Вотсе мыт хувашик мостыт понта: тутны антат вусе-мытаит. Матхатл Томилин лётчик си арат вотсем поныс, тутн керосин банкаит антат шукатыс.

Па хун Талеко тывыт нох акытта питсытэ, тув осьхось сирны тутл версытэ. Вотсе мыт кутны учительницаит хосьны утым исимись клеёнка метр ус. Тув метрыт вус, метр сюнγκыт портет вой шумыт унта каттымсытэ.

— Я муй па сит?..

Талеко сэмнгыт илэмыс па паси анγκырмыс. Енγκ кутат-тэт хус ий сантиметр ус... Хоты самолёт татта мошитыс.

Примусл тэс. Тоньсьны тэвтым шайпут сунгны омсыс. Талеко метр ёшнгытны кусты ювым хоят иты катлсытэ. Туп сасис, хотсат торосыт кутны вот янґхыс, вот енγκ хотл тунга шухты сый питны маныс.

Ювын пухрема нэрытыс. Ревун иты, пухрем енγκ торосыт кутны шухман увыс. Енγκыт кутны паттапа йис. Сит киньси тамись турымны вой-хут ханемыт.

Пухрем шухыпсы енγκ хотлны сыйты сасис.

— Лилит, мин ким эттита иса ант питтымын,—Талеко сыйты турны нюхмыс.—Хотэмын утшита мошиттэмын. Мин тэвынмыты унта омыста питтымын.

Тув тыт татмыс па номытмыстэ: „Там вотны самолёт татты тахи шакыттыта мошитта“.

Енγκ хотыены иськи ант ус. Тув питыртат такыт усыт. Питыртат мухты вот пуглыта ант мошитыс. Талеко ювотынґ мар енγκ хотл унашик па маташик версытэ. Енγκ поет си туваттыя ус, муй тув тыпетны ар уны яранга тутн рахыс омыста.

Енγκ хотыет тыпины ям ус. Няты пуш поным палатка хот хар юкана ус. Тув ухтэтны вуты тахты отыс, тахты ухтыны—отты хир. Стеариновой свечкаит катыя тэс. Примусл шорыис, па шайпут атэт мет якта питыс. Сунгны, ов ван-

писны, поным пушкантл тотис, мет шангкап яранганы. Тата, навага хут хирет ухтыны, няшет отыс.

Талеко энгхысыйтыс, пунынг касьл энгхыстэ па иса йитып от тумтыс. Шай яньсэмат ювпины, тув хирета тангыс.

Отмыт ант йисы. Тув свечкаит ванашик хатхымсытэ па чукотской ясынгни ханшим книжкаит вус. Там книжка „Ильич няврема утым па школаны унтлтыйтым отыт отынгни“.

Талеко картинкайтат нох вантсытэ. Там Володя Ульянов похлэнгкия утым артл. Талеко тув веншл, мундир сюлтат, сятта тата нох рисовайтым янас хоятыт путянга вантсытэ. Кашинг хоят тувы сир вуш таис. Тата, Чукотканы, тув русит хосьны тамись вуш ант вантыс.

Талеко тунгытта куш нармыс, хотсат хирет тыпины Лилитл нёхата питыс. Мосынг, тув шакынта питыс. Тув ухыт катымтыс.

— Лилит! Тымнет яма верыс, муй миныт книжканы тустэ. Нанг питэнны ант па и потырттын. А книжка питны потыртта хув рахыт.

Талеко няххытыс, Лилитл ух еша ревийсытэ па йитпа хирет тыпия тувыт пухытмыстэ.

— Ат кетма манэм... Ма тунгыттым.

Талеко хув тунгытыс. Сыйты пухрем шухты сый сасис. Книжкаит питны похлэнгки и воимса. Асвечкаит патэт унта тэс па сятта сам хурытыс.

Вот шухыс, энгк мошийты сый сасис. Пухрем такамыс.

Талеко шакын эвыт нох верытыс. Тув ухыт отты хирыт эвыт ким метшистэ па патлам кутны пось пуншим сэмнгыт питны пухрем шухты сый пета хутынта питыс. „Ям сит, муй вот тоньсь астана хуват потл, тутн лап тусын па татта хув ким ант эттын“, — похлэнгки нумысыс.

Отмыт вуш ант йисы. Талеко ант устэ: там муй атынга,

муй па ат ус. Ким анкырмийтта мосл. Мосынг па, хусыт каттыт. Но яма тэсятым овыт шукатта ант кашасис. Итампы осьл си унат ус, муй Талеко нох иси па си тотис, асвечкаит вуситыс па кешет ёшны тайман овыт хоси шушемыс. Тув овытны вусые порыттемыс па тув мухтангыт ким анкырмыс. Патлам кутны тув шиватсытэ, хотсат тоньсь пухремны сэвыт-симан астана хуват еты туты. Моттыкем йирынг тоньсь сэм тув сэмыта тикмыс.

Талеко вусл тоньсьны лап тэвытсытэ па нумысман нох омсытмыс. Мосл мотты вер верта. Нумыста—сит я атым вер.

Тув примусл керосинны кавсяттытэ, шайпутыт омыстэ па потым нёхи тэта питыс, Лилитл еша тапытсытэ. Рувынг нёхи. Тув эвыттэт памны-рувны ёхыттаин. Сит тохытпи тув кат хутые тэс. Интам ям каврым шайлэ яньсемыта. Каврым шай эвыт этл хуват рув манта питыс.

Там муй атынга тэвыпсы, муй па хатл куттып тэвыпсы, муй па туп етн тэвыпсы ус. Хойны тув оша верта, тамиты нэрытым турымны.

Тув етпетны тотим асвечкаит пета анкырмым Талеко асвечка тоньсьты тыпи отынгны номытмыс. Тув сит учительницаит хотны вантсытэ. Асвечка тоньсьты тыпи карысь па хорамынг. Талеко энгк эвыт симись от верта вутситыс. Тув пенгкынг вой пенгкыт эвыт вой хорет верта тус хоя ус.

Талеко энгк шуп лонгхемыс па рупитта нармыс. Айнаины энгк шуп эвыт тохтым асвеча тоньсьты тыпи етшита питыс. Талеко асвеча тоньсьты тыпет ёшны хувашик туттиман умысьтыс, антшик верым сюнгктат постыстэ па паси кеши тыитны вотьхамтта питсытэ. Там мет калнгынг рупота ус. Си киньси Талеко поснгыт нох тумытман рупитыс. Па ювотынгны асвеча тоньсьты тыпет етшис. Талеко йитып асвечка тэсятыс

па тувыт метшита питсытэ. Асвечка тоньсты тыпет кат пета лонгхемыс.

Я, сит я ай вер,—Талеко нюхмыс.—Кимит от вертым—сит киньси ям от,—па тув паси рупитта нармыс.

Хув мар парыс, ювотынгны консерва тарась ухтыны хорамынг асвечка тоньсьты тыпи омысман ус. Сит киньси тув ухтэтны асвечайт катыя тэс.

— Ин, Лилит,—рупотаитны мустым Талеко нюхмыс.—Ванта, ин тата ат вангкысыйта: шукаттэн.

Похлэнгки уны тавтысыпсы питны хирета тангыс па книжкаит отнгыт унта тунгытсытэ па йитпа тунгытта отынгысyt. Но тув сэмнгыт вевты йиснгын, па тув книжкаит осым итпия понсытэ.

„Вот пись... Ленин иситы, кемын, похлэнгкия ус“,—Талеко нумысыс. Па учительницаит потыртым потрыт уны Ленин отынгны, там тунгтым потрыт питны ий хорасып ант ус.

Талеко школайт паси номытмыстэ, хотя каш, хотя кашинг хатл ёнтсыт, яксыт па арийсыт.

Там номыстат питны воимса. Но сора тув кутэтны паси нох куритса. Лилит ухыт тув хонгын патла метшистэ. Талеко серанкаит вусемыс, асвечка тоньсьты тыпет каншман. Но тарасьл хосьны туп енгк шуктат отсыт.

— Па тамись хорамынг от верта ант питтым. Мосл ос па так от верта.

Талеко пухрем шухыпсыя хутнтта питыс. Тув шухыс ситы, хотсат тэты угты порвой пакыт сялыт. Тув милыт нох энгхыстэ па хутнтта питыс. Па ротан там сый кутны енгк картамыпсы хутмыс. Тув патл енгк ухтыя понсытэ па хутнтта питыс. Сёрыс сыйты марыис.

Талеко нох тотимтыс па тэрмат мосты оттат отты хирета шавийта питсытэ. Енгкыт си куш так ус, но, мосынг, татта

хотты манта мосмытл. Интам вуш отты хирны отта ант ра-
хыт. Паттамыманшик тув хирет ухтыя омсыс. Книжкаит ту-
нгытты кашл парыс, Лилитл питны потырта па ант кашасис.
Тув омсыс па туса пухрем шухты сый пета хутнтта питыс.
Тув систем, хошим ярангаит па Уакат анкет номытмыстэ.
Талеко устэ, муь тув иси ант отл, тув отнгытны нумысл па,
мосынг па, сялыт. Но тув хоты анкета хутие тута вутсий-
тыс. Тувыт амтыптыта вутсийтыс.

„Мосынг, лётчикнгын тувет потыртсангын, муь ма ты-
тынг, па ма тайтым муь манэм мосл, муь ма иськины ант
певымтаим па тэты ант хаттым. Туп енгкем антат шукатыс
тутн“.

Номыстат тытытыйтсыт, отмыт тувы верл верыс. Пох-
лэнгки воимтыйтса па отты хирет ухтыя керыттис, но иси
путянг нох тотимтыйтыс, па отмыт хот маныйтыс. Отымты-
сеньсьты шушийтыс па сятта тув паси омсийтыс иси тахета.
Ситы, отмыт питны тятисман, тув отты хирета тангты каш
ант па верыс.

* * *

Пухрем хутым хатл мар тарынтыс. Хун тэвынмыс, Талеко
енгк хотл эвыт ким этыс. Лакка катра сирны ус. Туп ий
пелыкны уны енгк реп тывыс.

Талеко хотыет нумпины флаг атмыс па вотих енгк харет
хоси хухытмыс. Хотсат тув нумысыс, тув хувын вуш сомытыс.

„Интам самолёт хотта татл?“ — тув хурийманшик нумысыс
па ротан тув хосета йиты самолётнгын касятыс. Тын паста
вурты флаг хоси йиснгын. Ит тэтташик йис, кимит от тув
нүмпетны карысьта-карысьта йис. Самолётнгын флаг нумпины
янгхсангын-янгхсангын па сятта катна мансангын. Сора тын
паси эха ёхытсангын па ий пелыкны тёрйта питсаңгын. Тын

си кема иты эстыснгын, метмотты там-там тын марыктынны
енгк торосыта хойтынгын.

Талеко самолётннгын хоси хухытмыс. Ротан ий самолёт
увман похлэнгки нумпины маныс па мотты иты ювтыс. Паси
самолётннгын марыктынны кавысьхымннгын па хонынг пета
мансангын.

Сора моторннгын увты сый ромамыс. Ситы ромамыс, муй
сялта вутсийтыс.

Талеко тэрмат конверт нох менымсытэ па тунгытта питыс.

„Талеко!

Интам сунгы янас тахины. Тота, хота мин янгхсамын.
Но сунгы хотна исат анта потса. Ма вантсэм, хотсат шакыт
усийтыс. Интам так иськет тоттит. Сора ям енгк тывыт. Па
ёхыттымын. Я, ямат ута. Номсыннг хоя ута. Флаген хосьны
сарны па кайлоны ювытсэмын. Хота енгк мис ухынга потта—
тунгматтэн.

Томилин лётчик“.

Талеко хотла ёхтыс па нумыста питыс, муйсыр симись
„мис ухыт“? Мосыннг, там атым лотыт самолёта татта.

Тув пушкантл вустэ па сунгет ванта маныс. Лётчик тота
шакыт шиватыс.

Сунгы хонынгат сулыкны ховытман усыт. Тув кутты-
пытны Талеко шакыт касятыс. Тув тэрмат пушкантл шашим-
тыс. Пушкан похнэмым сый сымытыс. Патыннг сый иты пушкан
сыит енгк хары хуват маныс. Шакыт ёшнгытны туп ревемыс
па сёрыс йингкны лангкыс. Сора тув нох ховытыс па йингк
хар ухтыны отта хасис.

— Шакыт ветсэм!—Талеко хивемыс па послны пухтымыт
нотэмыстэ.

Но шакыт сунгы куттып эвыт
вуты оматл ант ус.

„Сит я ай вер. Хун энгкыт
потта—сиртны и вута рахыт.

Па ротан тув номытмыстэ:
шакыт энгк кутны потта—тота,
хота, мосынг па, самолёт омыста
питл.

„Мосынг, там „мис уха“
питл“,—тув нумысыс. Па си куш шактыт па катымтыйтсыт,
но Талеко па вуш ант тьякыс.

* * *

Моттыкем хатл этты сунгы так энгкны татса. Талеко
энгкыт нох меритсытэ—хус хутым сантиметр. Тув флагыт
энгка потым шактыт хосьны нох тоньтсьытэ.

Талеко хув нумысыс, муй шактыт питны верта. Энгк
эвыт нох ки хотымтта—вус тывыт. Хийта ки—а самолёт хот-
сат тата мантл па шакыт хоит. Талеко тув хосьлны флаг
тоньсьыта вутсис, тув аръятыпсэт сирны, самолёт флаг ухтыя
манта ант питл.

Но там хатл нэмхоят ант ёхтыйтыс. Ат унта Талеко су-
нжет хосьны тавтысыс. Атынга вуш эвыт тув нэмотты ант тэс
па турл ант каншса.

Рымхымтым ювпины тув энгк хотла шушмыс.

„Тын, мосынг, нумыстынгын, муй энгк хотна така ант
йис,“—мантэт сахат тув нумысыс.

Энгк хотл вуш ант моста питыс. Талеко еша тотис, турым
харны хусыт вуситыпсыя, этыр хар энгк торосыт ухтыя ван-
тыс па тутн моттыны ромыпсы шукатта, тув ий пуш пушканл
эвыт эстыс.

— Лилит, мантымын, шай кавыртта питтымын.

„А ювын вота ротан ки йит па флагемын туты?“

Тув примусл хийсытэ, нох тотимтыс, Лилитл хонгын пат итпия вустэ па сунгы хоси курнгыт муйкемны хухытмыс. Талеко нох па ант вотыитман хухтыс. Тув ий кемны сунгет хоси ёхтымтыс, тув тэрмат флагыт нох тарпытсытэ па етн рымыхны, пайты пантл тарыптыта паттэт эвыт, сит киньси паста ёхты хухытмыс. Самыт шенгк сэнганьсис, тув енгк хотыета тангыс. Талеко отты хирет ухтыя отыс па иси путянг воимтса.

Моттыкем мар парым пуш тув мосты вертат верта питыс. Хатл хуват Талеко ситы туймыс, муй шай яньсьмат пуш тув отыс па паси така воимтса.

Тув пропеллер марыйты сыйны нох куритса. Отынгны тув нумысыс, муй там тув исат отым саха хуттыттэ. Но хун отмыт шангкап сира питыс, тув отты хирыт эвыт ким этыс. Талеко сит киньси амыт эвыт энгытмыс. Тув тоньсь питрыт иты рохыньсытэ, флагыт атэмыстэ па милыт такты сунгет хоси хухытмыс.

Самолётннгын уны лак мата питсангын. Амытман тув флагыт нох йирсытэ па, амытны ховытым веншл питны тотьман, самолётннгын пета вантыс. Сит киньси амтыт эвыт тув ёшл ревемыта ант мошитыс. Ухыт соиттыны татса.

„Там тув йит. Пумасипа нанген, самолёт!“

Мет маркынг вой иты тув тохнгыт тоньсь ухтыя ханымсангын, нохшик восымсангын, па уны карты маркынг вой, нохшик вотыйман, похлэнгки пунгытны манэмыс. Самолёт юпины тувы курнгыт ант хутты Талеко хухтыс.

Самолёт ториис, моторл сам сэнганьсьеты сирны рупитыс. Талеко ий кумны самолёт тох ухтыны тотис.

Бортмеханикны похлэнгки молыпсет рух сахат каттым-

са па кабиная татсытэ. Си кумны самолёт моторл включайтсытэ. Па хун самолёт нох этымыс, Талеко отынг пуш сялэмыс. Сэм йингклат йиши иты сюремысыт. Бортмеханик тув хосыла макыртыс па увемыс:

— Нанг муй сялтын?

Талеко потыртта ант мошитыс. Сэм йингклатны потыртта ант масы. Ювотынгны, тув туп-туп нюхмыс:

— Амплэнгкем тота... хасис.

Бортмеханик нэпеклэ ухтыны моттыкем ясынг ханшемыс па лётчика мастэ.

Томилин нэпекыт тунгытмет пуш омемыс:

— Я симись томысь пох!

Самолёт лак мас па паси омысты тахета манта питыс.

Кути энгк хар хуват кусяит каншман нарийтыс.

Самолёт сый хутмымет пуш, тув ий пелька хухытмыс па энгк торосыт кутны ханемыс.

Самолёт омсыс. Бортмеханик энгк ухтыя эстымтыс па хивемыс:

— Хота тув?

Талеко кабина эвыт ким ангкырмыс, патманшик лакка вантман, па роман амтынга хивемыс, ёшлы памытман:

— Томныйта тув! Том тув сэмнгыт па нётл. Лилит, Лилит!—сит киньси сыинга похлэнгки хивемыс.

Лилит этмыс па бортмеханик есят хухытмыс. Механик кути каттымсытэ па хухытман самолётл хоси понантыс.

Талеко патман няххатыс па Лилитл шанш ухтыя вустэ.

Туп самолёт йилынга этымыс, хотсат ин самолёт омсым тахи нох атмысыс, лонгхемыс кат пета. Ухыт енгк сыинга сехырман ара манта питыс па портет иты рохыньсытэ. Флаг кериис. Енгк нюта таплатты арта йис.

он встал, глядя в окно, и увидел, что
на улице уже темно. Он вышел из
дома — там было тихо. Он пошел
к реке, чтобы вымыть руки. Там
он увидел, что кто-то уже там.
Он подошел ближе и увидел, что
это был человек. Он спросил,
кто он, и тот ответил, что он
ищет работу. Он спросил, где
он может найти работу, и тот
ответил, что он знает одного
человека, который может помочь
ему. Он спросил, как его зовут,
и тот ответил, что его зовут
Филип. Он спросил, где он живет,
и тот ответил, что он живет
в деревне. Он спросил, как далеко
отсюда, и тот ответил, что это
недалеко. Он спросил, когда он
может выехать, и тот ответил,
что он может выехать завтра.

Он спросил, как далеко отсюда,
и тот ответил, что это недалеко.
Он спросил, когда он может
выехать, и тот ответил, что он
может выехать завтра. Он спросил,
как его зовут, и тот ответил,
что его зовут Филип. Он спросил,
где он живет, и тот ответил, что
он живет в деревне. Он спросил,
как далеко отсюда, и тот ответил,
что это недалеко. Он спросил,
когда он может выехать, и тот
ответил, что он может выехать
завтра. Он спросил, как его зовут,
и тот ответил, что его зовут
Филип. Он спросил, где он живет,
и тот ответил, что он живет в
деревне. Он спросил, как далеко
отсюда, и тот ответил, что это
недалеко. Он спросил, когда он
может выехать, и тот ответил,
что он может выехать завтра.

Т. СЁМУШКИН

**ТАЛЕО И ЕГО
ХРАБРЫЙ ЛИЛИТ**

Историческое

Т. СЕМУШКИН

ОТЪ И ОЖЕЛАТ
ХРАБРЫЙ ИЛИТ

Последний урок тянулся особенно долго. И когда он кончился, Талеко первым выбежал из школы. Прыгая с камня на камень, он во весь дух помчался к своей яранге. Камни были скользкие от январской оттепели и наледи. Мягкие торбаза с влажной подошвой скользили по ним, но Талеко ни разу не упал. В свои десять лет он был уже ловким прыгуном. И если бы не занятия в школе, он давно ходил бы охотиться на тюленей. А теперь вот и рыбку половить некогда. Хорошо ловить рыбку навагу!

Талеко спешил. Ведь скоро луна скроется в торосах моря. А в темноте не пойдёшь во льды.

Запахавшись, Талеко вбежал в ярангу. Он быстро приподнял занавеску мехового полога и передал матери школьную сумку. Затем он торопливо схватил рыболовный крючок, мешок из тюленьей кожи и бросился к выходу.

— Талеко!—послышался голос матери.—Не хочешь ли ты убежать куда? Или ты забыл, как я люблю послушать школьные новости?

— Нет, Уакат! Я расскажу, когда наловлю рыбки!—крикнул на бегу мальчик.

Уакат, занимавшаяся шитьём, ещё что-то говорила, но Талеко уже бежал к обрывистому морскому берегу.

Вслед за ним, спотыкаясь и ударяясь мордой о камни, гнался Лилит. Грязный, мохнатый Лилит. Он всегда перепачкается в тюленьем жиру. Его нельзя было бы и любить, если бы Лилит не был таким умным и ласковым. Лилит мог даже смеяться глазами и плакать. Талеко спас ему жизнь. „Оставлять белошерстого щенка—зря корм переводить,—говорит дядя Тенмау.—Всё равно из него не выйдет настоящей собаки“.

Но Талеко уговорил дядю Тенмау не убивать щенка. В тот же день он дал ему кличку „Лилит“, что означает: „Рукавица“. С тех пор Талеко был в большой дружбе с Лилитом.

Обронив рыболовный крючок, Талеко остановился и увидел бегущего за ним Лилита. Талеко рассердился. Он погрозил щенку и внушительно сказал:

— Лилит, домой!

Недружелюбный голос хозяина заставил щенка остановиться. Он сел на задние лапы, стал игриво крутить пушистым хвостом, заискивающе улыбаясь своему другу, хотя лицо Талеко было сердитое, брови нахмурены, губы вытянуты.

— Домой, Лилит!—крикнул он ещё раз.

Но как только Талеко побежал вперёд, Лилит вскочил и, словно рукавица, подхваченная ветром, покатился вслед за мальчиком.

Талеко трижды останавливался и трижды грозил псу. Талеко даже плюнул: „Совсем сдурел Лилит, только время отнимает“.

Ни угрозы, ни просьбы—ничто не действовало на щенка. Всякий раз, как только он присаживался в отдалении, не решаясь подбежать к хозяину, его морда выражала лишь глупое упрямство, у него были совсем бессовестные глаза. Взять бы его сейчас за уши и бросить в ярангу!

Добежав до крутого склона берега, Талеко сел на тюлений мешок. Один миг, и он пулей пронесётся на мешке до самых торосов моря. Хорошо заскользит тюленья кожа по снежному насту!

Талеко хотел было уже оттолкнуться ногами, как услышал за собой звонкий лай. Он обернулся, и лицо его расплылось в широкую улыбку. Чёрные, немного раскосые глаза заблестели добродушием. Лилит знает выражение этих глаз. Он бешено завилял хвостом.

Укоризненно покачивая головой, Талеко с нежностью сказал:

— Эх, ты, Лилит! Попробовал бы ты вести себя так в школе!

Лилит этого только и ждал. Услышав ласковый голос хозяина, он мигом сорвался с места, подбежал к сидящему на мешке Талеко и взгромоздился ему на колени.

— Ну, ладно,—сказал Талеко,—поедем.—И они покатались с такой невероятной быстротой, что Лилит закрыл глаза и перестал дышать.

В ледовых полях Талеко почувствовал себя привольно и радостно. Торосы и одинокие ропаки причудливой формы в лунном освещении казались сказочными. Луна серебрила их, и они блестели, как оцинкованное железо на школьной крыше.

— Смотри, Лилит,—сказал Талеко,—вот этот похож на парашют. Знаешь, что такое парашют?

Но Лилит уже убежал вперёд; он также был в восторге.

С пешней в руке Талеко шёл торопливой походкой. На спине его болтался тюлений мешок и рыболовный крючок. Он важно ударял острым концом пешни в лёд и к чему-то прислушивался.

С горы, где находилось селение, доносились голоса людей и лай собаки. А впереди, во льдах, слышался так хорошо знакомый вечный шум моря. Даже в самую тихую погоду лёд, хотя и немного, движется: морские течения не дают ему покоя. Талеко давно всё это знает.

Лилит бежал впереди. Он носился по льдам, поминутно оглядываясь на хозяина. Но какой он обманщик! Вот смотри: почему он остановился и смеётся глазами?

Талеко подходит к нему и говорит:

— Лилит, ты хитрец! Ты думаешь, меня поджидаешь? А ты меня всё равно не обманешь, Лилит! Ты же не знаешь, куда идти.

И, нагнувшись над щенком, поглаживая его, Талеко говорит совсем нежно:

— Поэтому и ждёшь. Я зна-аю.

Лилит вскочил и опять побежал.

Улыбнувшись ему вслед, Талеко направился в другую сторону, мимо высокой ледяной глыбы. Лилит остановился, поднял мохнатую морду и, словно потеряв рассудок, шарахнулся в сторону хозяина. Он быстро догнал его. Они перелезли через торос.

Там, где несколько дней тому назад была открытая полынья, образовался молодой лёд. Здесь, на грани старого и молодого льда, сидел старик Налек. Около старика лежала большая грудка уже замёрзшей рыбы.

— Дедушка! Рыбка есть?—крикнул Талеко.

— Много было. Теперь стороной пошла, подальше. Совсем здесь перестала ловиться.

Талеко подошёл к старику, взял одну рыбку и, направляясь дальше, на ходу стал грызть её.

— Какая вкусная рыбка!

Пройдя немного дальше, Талеко залез на высокий торос и уви-

дел подходящее место. Сбежав с тороса, он осмотрел тонкий лёд и начал долбить лунку.

Закончив работу, Талеко со всей важностью и знанием дела приступил к ловле наваги. Его маленькая фигурка в меховой кухлянке с капюшоном, в меховых штанах и меховой обуви издали напоминала бурого проказника—медвежонка. И движения его, когда он опускал и дёргал лесу, привязанную к маленькой палочке, дополняли это сходство.

Рыба шла косяками и ловилась без всякой наживы. Двойной крючок обязательно подцепит рыбку.

Лицо Талеко засияло. Двумя палочками, быстро перебирая лесу, он вытащил рыбу. Крючок вонзился в хвост. С деланным безразличием Талеко снял её и бросил на лёд. Рыба, оглушённая ударом, лежала спокойно.

Лилит прыгнул к ней. Но как только дыхание его коснулось рыбы, она словно пружинка из китового уса, изгибаясь, взлетела вверх.

У Лилита вздрогнул чёрный кончик носа. С испуганными глазами пёс перевернулся через спину и бросился бежать без оглядки. Он сел в сторонке и издали беспокойно поглядывал на это невиданное им чудовище. Нос всё ещё нервно подёргивался.

Талеко звонко расхохотался. Он потянул леску и вытащил сразу две рыбки. Одну из них он бросил Лилиту. Круто повернувшись, Лилит отскочил ещё шага на два.

— Испугался?—сказал Талеко, разрезая навагу на части.—Ешь теперь.

Лилит подошёл к кусочку рыбы, настороженно понюхал её, не без робости лизнул и проглотил.

Луна спускалась во льды, тусклым диском почти касаясь торосов. Рыба ловилась всё лучше и лучше. Недалеко от лунки лежало уже много замёрзшей рыбы.

Лилит вволю наелся и теперь лежал на тюленьем мешке со вздутым животом, изредка вяло открывая глаза. Казалось, что он не особенно доверял хозяину: не ушёл бы.

Луна зашла. Вспыхивали звёзды. Сумерки сгущались. На берегу на склоне горы, как звезда, светился огонёк. „Это школьная лампа“,— подумал Талеко. И, успокаивая себя, сказал:

— Ничего, Лилит. Немного темно—это ничего. Потом можно идти на школьную лампу.

Талеко очень хотелось притащить домой полный мешок наваги. „Вот обрадуется Уакат. Она расскажет всем соседям: Талеко наловил много рыбы. И учительнице можно снести. Ведь она тоже любит рыбку“,—размышлял Талеко, продолжая ловлю.

Всё ярче и ярче горели звёзды. Торосы уже не блестели и казались тёмными холмиками.

И когда стемнело, Талеко заспешил. К мешку, набитому рыбой, он привязал моржовый ремень.

— Ну, вот, Лилит. Пошли домой,—весело сказал Талеко.

Он взялся за ремень, перекинул его через плечо и потащил мешок волоком, как настоящий охотник. Вдруг он сразу остановился.

— Что такое? Почему потухла школьная лампа? Ведь так рано её никогда не тушили.

Талеко бросил ремень и быстро залез на ледяную глыбу. Под ногами путался Лилит.

— Подожди, Лилит, не мешай,—умоляюще сказал Талеко, спокойно всматриваясь в сторону берега. Света в школе не было.

В той стороне вырисовывались лишь смутные очертания не то берега, не то ледяных торосов, не то ночных облаков.

Талеко перебежал на другой, более высокий торос. Пристально вглядываясь, почти не переводя дыхания, он то приседал, то вытягивался во весь рост, становясь на носки. Лицо его побледнело.

Талеко долго искал глазами огонёк. Наконец он высмотрел еле-еле мерцающий свет. Этот свет был далеко в стороне. „А может быть, это звезда? Нет, так низко звёзды не спускаются...“ Мелькнула мысль, что лёд оторвался и пошёл. Талеко охватил ужас. Невольно он открыл рот, чтобы крикнуть, но тут же закрыл его ладонью. Кричать было страшно.

Не отрывая взгляда от огонька, стоял он неподвижно. И когда опомнился, крикнул:

— Лилит, лёд оторвало!

Талеко скатился по склону тороса, вскочил и побежал. Он бежал так быстро, как, может быть, никогда в жизни не бегал.

Лилит отстал, высунув язык. А Талеко бежал и бежал, забыв

о щенке. Наконец он вспомнил о нём, на бегу оглянулся и, пробежав ещё немного, остановился.

Подскочил Лилит. Талеко молча схватил его на руки и опять побежал. Ему стало жарко. Вдруг Талеко наткнулся на полоску воды. Лёд здесь дал трещину. Она образовалась внезапно и чёрной змеёй, извиваясь и расширяясь, уходила очень далеко. Она казалась живой. Мальчиком овладел страх. И, вспомнив старика, ловившего рыбу, он крикнул в пространство:

— На-а-алек!

Странно прозвучал его одинокий слабый голос в этой безлюдной пустыне. Он был один, далеко от жилых мест.

Талеко стоял словно на берегу чёрной реки, не зная, что делать. Прижав к лицу тёплую морду щенка, он прошептал:

— Лилит, не надо убегать от рыбки! И крючок там. Без еды мы скоро умрём.

И, не раздумывая, он побежал к тому месту, где оставил рыбу.

Мешок, наполненный навагой, лежал как распластавшийся тюлень. Талеко обрадовался, увидев его, сел на него верхом. Вдруг он вспомнил рассказы охотников о сжатии льдов, вскочил и пошёл в глубь больших торосов, подальше от полыньи.

Пробираясь среди наторошенного льда, он волоком тянул за собой мешок, зорко всматривался вперёд и оглядывался по сторонам. Всюду были ледяные нагромождения—холмы и даже ущелья. От напряжения уставали глаза.

Талеко остановился и посмотрел на небо. Оно было усеяно ясными звёздами. Каждую звёздочку можно было рассмотреть в отдельности. Кругом таинственный полумрак. И в этом полумраке торосы походили то на зверей, то на яранги, засыпанные снегом. Стоять было страшно—лучше идти.

И Талеко опять пошёл. Он шёл и шёл, не останавливаясь. Куда шёл Талеко, он и сам не знал, лишь бы подальше от полыньи. Наконец его внимание привлекла огромная, как скала, ледяная глыба.

Оставив мешок и посадив на него Лилита, он с пешнёй в руке обошёл ледяную глыбу кругом и обнаружил в ней небольшую пещерку.

„Надо здесь укрыться“,—подумал Талеко. Вдруг под ногами он ощутил что-то живое и вздрогнул: это был Лилит.

— Нашёл ярангу. Если начнётся ветер, тут будет хорошо. Пойдём, Лилит, за мешком,—сказал Талеко.

Наступила ночь, и мальчи́к боялся оставаться на просторе.

Он влез в пещерку и пешнёй стал расчищать пол, выбрасывая куски льда. Находившийся рядом сугроб навёл его на мысль сделать снежную стенку. Не теряя времени, он приступил в работе.

Талеко ловко вырезал пешнёй снежные кирпичи и закладывал ими вход. Работа подвигалась быстро. Оставив небольшое отверстие, Талеко ползком забрался в пещеру. Он взял заранее приготовленный большой снежный кирпич и замуровал себя изнутри. В пещере наступил полный мрак.

Но здесь тьма не пугала. На расстояние вытянутой руки кругом были ледяные стены. Талеко достал мёрзлую рыбку и стал грызть её. Он сел на тюлений мешок, Лилита посадил к себе на колени. Ощупью Талеко кормил и своего мохнатого друга. В тишине, ничем не нарушаемой, слышалось, как на челюстях Лилита хрустели косточки наваги. Спать не хотелось: мешали думы, разные думы. Думы перенесли его на берег, в селение. „Наверное, старик Налек уже рассказал всем: и матери, и учительнице, и дяде Тенмау. О, дядя Тенмау—великий человек на берегу. Он помогает людям в море. Когда спускается туман, его ревун-сирену на маяке слышно далеко-далеко. А в тёмную ночь он освещает море: пароходам показывает дорогу“,—размышлял Талеко. Он достал ещё одну рыбку, переломил её пополам и, отдавая половину Лилиту, сказал:

— Хватит, больше не дам.

Талеко вспомнил свою заботливую мать, уютную тёплую ярангу, горячий чай. Хотелось пить. Талеко сосал снег, но он не утолял жажды. Талеко решил сделать воду сам. Он набил рукавицу снегом и засунул её к себе подмышку. От рукавицы стало немного холодно.

Вдруг до его слуха донёсся звук, подобный рёву раненого белого медведя. У Талеко остановилось дыхание, в горле застрял кусок рыбы. Он со страхом подумал: „Не померещилось ли?“

Через короткий промежуток времени звук повторился, и Талеко узнал голос ревуна. Разрушив часть снежной стены, Талеко в один миг выполз из пещеры. Он вскочил на ноги, усиленно заморгал, словно проверяя, хорошо ли видят глаза. То, что он увидел, казалось на-

вождением. В стороне медленно двигался огромный луч света. Вращающийся прожектор маяка ворвался во тьму ночи и, шаря по торосам, тушил звёзды. Луч света двигался то быстро то медленно, то высоко поднимаясь к небу. И казалось, что он играет, как играют небесные огни северного сияния. Опять донеслись звуки ревуна. „Как же так? Ведь с тех пор, как прошли последние корабли, дядя Тенмау отдыхает. Давно перестал светить маяк и не ревет сирена. Зимой и маяк отдыхает.“ Прожектор осветил мальчика, и на голубых торосах на мгновение заиграли переливы света.

Зачарованный этим видением, Талеко ощутил радостное волнение. Не отрываясь, он сопровождал взглядом светлый луч, и на миг ему представилось: около машины, на маяке, стоит дядя Тенмау.

Пальцы без рукавицы замёрзли, но не чувствуя холода, Талеко захлопал в ладоши, заплясал и крикнул:

— Лилит, Лилит! Иди сюда! Нас ищет Тенмау!

Он схватил собачку на руки, продолжая притопывать. Нет, он не один. На том конце луча были люди, которые думали о нём, искали его. Талеко снял пионерский галстук, прикрепил его к пещне и водрузил флаг над своим жильём.

— Вот смотри, Лилит. Пусть нас видят издалека.

Уставший от работы и волнений, Талеко взглянул на пещеру. Но не хотелось заползать в неё, хотелось, долго, долго следить за огнями Тенмау.

Но глаза закрывались от усталости, и Талеко вполз в свою пещеру, опять заделал вход и сел на мешок, прижав Лилита к груди. „Что он понимает, этот Лилит? Ведь его ещё ни разу не запрягали в нарту“.

Талеко захотелось спать, но думы о прожекторе, о ревуне, о берегу отгоняли сон. Наконец он задремал, уткнувшись лицом в тёплую собачью шерсть.

Ночью Лилит завозился, стал вырываться из рук и рычать... Талеко проснулся:

— Ты что, Лилит?

Щенок лаял.

— Что ты, Лилит?—беспокойно спрашивал Талеко.—Или ты думаешь, нарта подъезжает?

Щенок не умолкал. Талеко вышел из пещеры.

Всматриваясь в темноту ночи, Талеко заметил, как в стороне торопливо бежал кто-то огромный. Талеко испугался и зажал морду Лилита. Луч прожектора приближался. И тогда Талеко ясно разглядел белого медведя. Мальчик притаился. Луч света настиг медведя. Хозяин ледяных полей беспомощно оглянулся, заревел, замотал длинной неуклюжей шеей, взметнул мохнатыми лапами и упал на льдину.

Случилось невероятное, непостижимое для белого медведя. В этой спокойной, холодной, огромной ледяной пустыне появился неизвестный враг, ослепляющий глаза. Медведь вскочил и в паническом бегстве, прислушиваясь к звукам ревуна, исчез в торосах льда.

Талеко знал, что белые медведи редко нападают на человека. Но здесь, в одиночестве, вдаль от людей, он перепугался. Талеко крепко держал в руках морду щенка. Лилит скулил, проводил медведя взглядом. Талеко выдернул пешню с флагом и опять залез в пещеру.

Уже сидя на коленях у Талеко, Лилит успокоился.

— Ты храбрый, Лилит. Наверное, медведь подумал, что здесь живут настоящие охотники. Ты напугал его своим лаем,—вполголоса сказал Талеко.

Он помолчал немного и подумал: „А может быть, медведя гоняет по льдам Тенмау своим фонарём?“

Талеко закрыл глаза, улыбнулся, прижал щенка к себе и задремал.

Ночь прошла спокойно. Мрак в пещере исчез. Слабый свет проникал через лёд и снежную стену. Талеко проснулся. Он вытащил рукавицу, осторожно развязал её и попил настоящей, вкусной, как ему казалось, воды. Правда, воды было очень мало. Таких порций можно сразу выпить пять, даже десять. Талеко высушил рукавицу, как это делают настоящие охотники, набивая в неё снег до тех пор, пока он не поглотит всей влаги. Остатки наледи в рукавице он выбил, взял одну рыбку и вылез из пещеры.

Звёзды погасли, поднималась луна, наступил день. Ледяная глыба, в которой поместился Талеко, огромным утёсом уходила вверх. С пешней в руке он полез по глыбе пологим склоном. Талеко захотелось посмотреть землю, берег. Но берега не было видно. В той стороне

стелился густой туман. Тяжёлый и влажный, похожий на лебяжий пух, он низко полз над землёй, закрыв собой весь берег и сопки.

В другой стороне пробивался полуденный рассвет. Солнце, словно боясь холодных льдов, подкрадывалось, как бы не решаясь выглянуть. И вдруг как будто из океана вырвались огненно-красные лучи солнца и зажгли край неба. Кругом расстилались необозримые поля поломанного льда. Над всей этой суровой величественной пустыней нависла убаюкивающая тишина.

Талеко улыбнулся и подумал: „Как хорошо!“

Туман опускался всё ниже и ниже. Вот уже обнажились верхушки сопки. Казалось, что они оторвались от земли и, как огромные воздушные корабли, плыли в небесном пространстве.

Туман начал расходиться.

„Наверное, люди захотят приехать за мной. Ведь теперь не старый закон, когда нельзя было спасти человека и гневить злых духов „кели“... Но полынья, пожалуй, не пустит. А, может быть, теперь её уже нет?“—размышлял Талеко.

Он забрался ещё выше и поставил флаг. Отсюда была видна площадка, покрытая молодым льдом. Он решил половить рыбу в запас.

Склонившись над лункой, Талеко опускал и дёргал свой крючок. Но рыбы здесь не было, и он пошёл искать более счастливого место.

Он шёл, не торопясь, вместе с неразлучным Лилитом. Три чёрные точки—глаза и кончик носа щенка—резко вырисовывались на заснеженной ледяной площадке. Лилит вычистился здесь во льдах и стал напоминать настоящего белого пушистого песка. Талеко впервые увидел его таким чистым.

Вдруг он остановился, прислушался, снял шапку, уловил ухом какой-то непонятный звук. „Как далеко ушёл лёд. Ревун чуть-чуть слышен. Нет... Это не ревун... непрерывно гудит“. С затаённым дыханием, вытянув шею, Талеко замер, стараясь понять, что это такое. И чем дальше он прислушивался, тем светлей становились его глаза. Такой звук издают самолёты.

Талеко проворно вбежал на ближайший торос и увидел берег. Туман исчез. С жадностью Талеко водил глазами по небу, разглядывая, не покажется ли самолёт. И вдруг он заметил в небе чёрную точку.

Талеко закричал:

— Самолёт, самолёт!.. Это самолёт! Я знаю!

Рокот самолёта становился всё слышней и слышней. Чёрная точка в небе увеличивалась. Талеко быстро вскарабкался на вершину ледяной глыбы.

Он поднял пешню с флагом и стал ею размахивать. Он стоял без шапки. Глаза его светились радостью. Лилит, глядя на своего хозяина, заскулил и завилал хвостом. „А если не увидит?“—испуганно подумал Талеко. Отчётливо слышался гул пропеллеров. Самолёт с рёвом летел к Талеко. Вот он пошёл на снижение и, развернувшись, совсем низко пролетел над мальчиком. Самолёт дал круг и покачал крыльями.

— Здравствуй, самолёт!—закричал Талеко.

Но самолёт ушёл дальше, на север.

„Наверное, место ищет...“—подумал Талеко и хотел было уже бежать за ним, как самолёт повернул обратно. Пролетая над мальчиком, лётчик сбросил один за другим два тюка и повернул к берегу.

Задрав голову, Талеко молча провожал самолёт глазами до тех пор, пока чёрная точка не исчезла в небе.

Спускались сумерки. Загорались одна за другой звёзды. Луна опускалась всё ниже и ниже. Талеко побежал к тюкам.

Он волоком потащил тюк к себе в пещеру. Ещё дотемна он приволок и второй тюк.

Он залез в пещеру, сел на мешок, испытывая приятную усталость, снял шапку, вытер пот. Голова его почти касалась потолка. Немного отдохнув, мальчик радостно сказал:

— Ну, теперь можно и посмотреть. Лилит, где ты?

Талеко ощупал ножны. Ножа не было. „Ай, я-яй, потерял нож!“ Искать его уже поздно. Он стал на ощупь развязывать мешок. Долго он копался в темноте.

— Ого-го, Лилит! Вот тут прощупываются свечки. Да, да, это свечки! И спички есть!—радостно крикнул он.

Пещера озарилась ярким светом стеариновой свечи. Талеко рассмеялся:

— Смотри, смотри, Лилит! Ведь это высовывается оленья шкура! А вот меховой спальный мешок! Подожди, подожди, тут ещё что-то есть!

И Талеко быстро извлёк из спального мешка примус, в стружках банку с керосином и чайник.

— Ах, какой добрый лётчик! Да, ты знаешь, Лилит, ведь скоро мы с тобой будем пить чай!.. А это зачем? Красная материя, как пионерский галстук.

Талеко сел на мех и торопливо стал распаковывать второй тюк. Он так увлёкся работой, что совсем забыл о своём одиночестве во льдах.

В этом мешке было продовольствие. Нетерпеливо разбирая его, Талеко вдруг закричал:

— Письмо! Письмо! Письмо! Лилит!

Разорвав конверт, он с волнением стал читать вслух:

„Талеко!

Будь героем! Не вздумай плакать! Я тебя обнаружил и завтра прилечу пораньше. Если будет пурга, тебе придётся подождать. Ты не бойся, я тебя всё равно достану.

Ты поищи ровную площадку—она рядом с тобой. Измерь толщину льда. Если будет двадцать сантиметров, подними флаг. Я положил тебе кусок красной материи. Если будет меньше двадцати сантиметров, флага не поднимай. Самолёт провалится. Понял, в чём дело? Вот и всё.

Твой друг лётчик *Томилин*“.

— Друг,—сказал Талеко и улыбнулся.—Какой же хороший лётчик! Томилин—лётчик. Он прилетал к нам на школьный праздник. Это он меня хлопал по плечу и говорил: „Молодец, Талеко, хорошо ты исполнил танец белого медведя“. „Да, я хорошо показал белого медведя“,—подумал он с гордостью.

Талеко подтянул к себе Лилита и опять стал читать письмо вслух. Лилит поднял мохнатую морду.

Талеко был убеждён, что Лилит всё понимает. Письмо от начала до конца было прочитано несколько раз. Талеко нравилось читать. Наконец он бережно спрятал письмо за пазуху.

— Будем ужинать,—сказал он и взял банку консервов.

Мальчик снова вспомнил о ноже и вздохнул с чувством досады. Банку можно разбить куском льда. Талеко сильно ударил по доньшку банки. Кусок льда раскрошился. Лилит в упор смотрел на Талеко.

— Какой ты бестолковый, Лилит. Что же ты не подсказешь? Ведь пешней можно открыть банку.

Он достал пешню, осмотрел её острый металлический конец и покачал головой:

— Не надо, Лилит. Так можно затупить пешню. А ведь завтра нужно долбить лёд для друга-лётчика. Понимаешь?

В эту ночь Талеко и Лилит крепко спали в тёплом мешке. Слышался отдалённый звук ревуна. Лёд дрейфовал на север, всё дальше и дальше от жилых мест.

Талеко внезапно проснулся. Он вскочил и вылез из пещеры. Небо было в звёздах, над льдом стояла ночная тьма.

— Рано ещё. Но всё равно спать не будем. Будем караулить свет,—сказал Талеко.

И как только показались проблески света, Талеко взял кумач, пешню и с важностью взрослого охотника пошёл в торосы искать площадку, о которой писал лётчик.

Это место оказалось невдалеке. Талеко залез на торос и оглядел его. Перед ним лежала ровная, чуть-чуть запорошённая снегом длинная дорожка.

„Ишь, какое место подыскал лётчик! Сверху он всё видит, как птица“.

Талеко прошёлся по площадке, пробуя лёд ударом пешни. Лёд хорошо держал человека.

Несколько сильных ударов пешнёй, и в лунку хлынула вода. Талеко отколол кусок молодого льда и унёс подальше от лунки. Разглядывая ровный край льдинки, Талеко задумался:

„Сколько здесь сантиметров, Лилит, как узнать сантиметры? Ты знаешь, какая это важная задача? Здесь ведь учительницы нет. Кто поправит ошибку?“

— „Метр...—сто сантиметров...“—вспоминал он вслух. Шапка сползла на затылок, лоб нахмурился, и от раздумья мальчика даже бросило в жар.

„Скорей надо думать, Талеко. Свет подходит“,—торопил он себя.

Талеко вдруг вспомнил объяснения учительницы: „Вот спички. Длина спички—четыре сантиметра“.

Талеко побежал в своё жилище, схватил коробочку и, не задерживаясь, направился обратно.

„Нож, вот он! Здесь упали мешки с самолёта“.

Талеко очистил льдинку ножом, приставил к ней пешню, сделал на конце деревянного держака пешни зарубку. Для удобства он сел на лёд, пешню положил на колени и стал прикладывать спичку:

„Вот четыре... ещё четыре. Стало восемь. Ещё четыре... двенадцать. Ещё прибавить четыре... шестнадцать. А правильно ли считал? Четыре раза по четыре. Четырежды четыре—шестнадцать. Правильно...“—и Талеко свободно вздохнул.

На пятую спичку места до зарубки нехватало. Совсем немного—меньше полспички.

Сколько же будет всего сантиметров?

Талеко подумал, тяжело вздохнул и сказал:

— Наверное, девятнадцать.

Он принялся измерять сначала. Но сколько ни измерял он—результат был тот же. А один раз получилось даже меньше девятнадцати сантиметров.

Талеко встал, воткнул пешню в лёд и с грустью проговорил:

— Эх, Лилит, как мало нехватает.

Но Лилит даже не обернулся. Он был занят более важным делом лапкой чесал за ухом.

Стало светло.

Талеко взглянул на кумач, на пешню. Не нужны они сегодня. Флаг подымать нельзя. Он взял кумач, встряхнул его. Было тихо, морозно. Бесконечные ледовые поля простирались во все стороны. Воздух был прозрачный, как чистый лёд на озере. Вдали далеко-далеко виднелся берег. А ведь пешком не пойдёшь туда. Далеко—это ничего, но на пути попадётся открытая вода—и всё: дальше не пойдёшь.

Талеко долго стоял с кумачом в руке. Он оглядел широкое небо молчаливые торосы, одинокие ропаки, и ещё грустнее стало ему. Грустно от всего того, что он всегда так любил. Лёд и море всегда тянули его к себе. Теперь же все его мысли были на берегу. Даже и ревуна не слышно. Как будто в этих голубых льдах находился великий покойник и никто не смел нарушить здесь тишину.

Думы Талеко перенеслись в селение, в школу, к его товарищам. И так захотелось ему быть со всеми!

Он вспомнил мать, с которой они жили вдвоём. В тот вечер он не рассказал ей школьных новостей. Она ведь так любит слушать их. Вспомнились рассказы её о том, как давно уже погиб во льдах его отец, хороший, ловкий и сильный охотник. В то время Талеко был ещё совсем маленький. Он даже не помнит отца. „Вот, должно быть, пропаду и я. Мать, наверное, плачет“, — подумал Талеко, и слезы подступили к горлу.

Но вдруг он заметил на горизонте чёрную точку. Она казалась одинокой птицей в этих пространствах. Он стал пристально всматриваться вдаль и отвлёкся от горестных дум. Хоть бы опять самолёт пролетел надо мною! Но что такое? Вон ещё точка показалась рядом с первой. Да это, пожалуй, птицы и есть. Но зачем птицам летать сюда зимой?

Как испуганный песец, Талеко вскочил на ледяную глыбу и до боли в глазах стал всматриваться в эти точки.

„Нет, это не птицы... Да это, пожалуй, самолёты... Два. Зачем же два?“

Вскоре послышалась далёкая-далёкая песня моторов. Самолёты быстро приближались. С рёвом они подходили один за другим.

Талеко бросился бежать на площадку. Но что-то остановило его, и он вернулся обратно. Талеко испугался: самолёты пойдут на посадку. А ведь там нет двадцати сантиметров!

Сердце учащённо забилось, когда самолёты пошли на снижение. Они низко прошли над ним. Пряча кумач за спину, он замахал рукой в сторону берега.

На втором круге самолёты стали подниматься вверх. Талеко обрадовался, опять замахал рукой в сторону берега и сказал с облегчённым вздохом.

— Они поняли меня! Ступайте к берегу!

Передний самолёт покачал крыльями и лёг на обратный курс. Второй самолёт зашёл опять на круг и, совсем низко опустившись, пролетел почти над головою мальчика. Лётчик успел даже высунуть из кабины голову и помахать рукой.

Талеко засиял от восторга. Он узнал его. Это был Тымнет—чукча, ученик русского лётчика Томилина. Теперь Тымнет был известным ледовым разведчиком.

Пять кругов Тымнет сделал над мальчиком. На последнем круге он что-то сбросил на лёд, так же покачал крыльями и пошёл к берегу, круто набирая высоту.

— До свиданья, до свиданья, Тымнет!—крикнул Талеко в небо. Ему хотелось помахать красной материей, но из боязни сбить с толку лётчиков он воздержался.

Талеко долго провожал глазами самолёт. Передний был уже далеко.

— А где Лилит?—спохватился мальчик и громко стал звать щенка.

Из-за ледовых глыб показалась мохнатая морда щенка. Он кубарем скатился и подбежал к Талеко.

В ледяном домике опять был праздник. В сброшенной посылке были: палатка, ружьё, патроны, книжка, нож для открывания консервов, вызвавший улыбку на лице мальчика.

— О, Лилит! Смотри, какой Тымнет! Он хорошо знает, что нам нужно.

В посылке были новые торбаза, две пары меховых чулок, меховые штаны и совсем новенькие рукавицы. Кроме того,—два больших куска моржового и тюленьего мяса.

— И опять письмо!

Письму Талеко обрадовался больше всего. Ему казалось, что он долго-долго не разговаривал с людьми. А письмо—как человек. Ведь Лилит только слушает, а сам не говорит. Он открыл конверт и бережно вытащил листок бумаги.

„Талеко!

Я тоже прилетел выручить тебя. Мы обязательно тебя выручим. Ничего не бойся. Если будет пурга, ты всё равно не бойся. У тебя теперь есть всё необходимое.

Тымнет“.

— Вот видишь, Лилит! Ты смотри у меня! Не вздумай плакать,—сказал Талеко и стал накачивать примус. Примус с шумом вспыхнул. Как приятно было смотреть на его синие огоньки!

— Стружки надо положить подальше: загорятся. Это вчера лётчик Томилин столько их наложил, упаковывая банку с керосином.

И когда Талеко стал их собирать, он раскрыл рот от удивления. В стружках лежал точь-в-точь такой же, как и у его учительницы, клеёнчатый метр. Он схватил его, приложил кончик метра к пешне до зарубки.

— Что такое?..

Талеко протёр глаза и снова посмотрел. Толщина льда равнялась двадцати одному сантиметру... Ведь самолёт мог садиться.

Горел примус. Чайник, набитый снегом, стоял в углу. Талеко вяло держал в руках метр. Слышно было, как по торосам гулял ветер, с шумом проносясь мимо ледовой пещерки.

К ночи поднялась пурга. Как ревун, завыл ветер в ущельях ледовых торосов. Жутко стало во льдах. Даже звери прячутся в такую непогоду.

Вой пурги глухо отдавался в ледяном домике.

— Мы совсем не будем выходить, Лилит,—сказал Талеко упавшим голосом.—Можно потерять наш домик. Мы будем сидеть до конца пурги.

Он глубоко вздохнул и подумал: „Этот ветер может испортить площадку“.

В домике было не холодно. Стены его были прочные. Ветер не проникал через них. За последнее время Талеко углубил домик и сделал его просторней. Ледяная глыба была такой величины, что в ней можно было поставить много больших яранг.

В домике было уютно. Сложенная вчетверо палатка служила полом. На ней лежала оленья шкура, на шкуре—спальный мешок. Ярко горела стеариновая свечка. Шумел примус, и крышка чайника уже начинала танцевать. В углу, при входе, как это и полагалось в настоящей яранге, стояло заряженное ружьё. Здесь же, на мешке с навагой, лежал рыболовный крючок.

Талеко разулся, снял меховые штаны и оделся во всё новое. Напившись чаю, он залез в мешок.

Спать не хотелось. Он придвинул свечу и взял книжку „Детские и школьные годы Ильича“ на чукотском языке.

Талеко просмотрел картинки. Вот мальчик Володя Ульянов. Талеко разглядывал его лицо, пуговицы на мундире, потом других людей,

нарисованных здесь же. У всех была какая-то особая одежда. Здесь, на Чукотке, он не видел у русских такой одежды.

Талеко начал было читать, как завозился в мешке Лилит. Наверное, душно ему стало. Показалась его морда.

— Лилит! А хорошо сделал Тымнет: привёз нам книжку. С тобой не поговоришь. А с книжкой можно долго говорить.

Талеко засмеялся, потрепал морду Лилита и впихнул его в мешок.

— Не мешай мне... читать.

Долго читал Талеко. Глухо выла пурга. С книжкой мальчик и уснул. Свеча догорела и сама потухла.

Выл ветер, скрежетал лёд. Пурга усиливалась.

Талеко проснулся от духоты. Он высунул голову из спального мешка и в темноте, с открытыми глазами, стал прислушиваться к завыванию пурги. „Хорошо, что ветер дует вдоль снежной стены, а то занесёт, долго не вылезешь“, — подумал мальчик.

Спать уже не хотелось. Талеко не знал: утро было или ночь. Надо выглянуть на улицу, посмотреть. Может быть, звёзды видно. Но не хотелось ломать так хорошо заделанную дверь. Однако интерес был настолько велик, что Талеко встал, зажёл свечу и с ножом в руке подошёл к двери. Он просверлил в двери дырку и заглянул в неё. В темноте он заметил, как снег вихрем проносился вдоль стены. Несколько острых снежинок попало в глаз.

Талеко забил снегом дыру и сел в раздумье. Надо что-нибудь делать. Думать — хуже.

Он накачал примус, поставил чайник и стал есть моржовое мясо, покормил Лилита. Сытное мясо. От него приходит тепло. Вдобавок он съел две рыбы. Теперь хорошо попить чаю. От горячего чая тепло разлилось по всему телу.

Это был не то завтрак, не то обед, не то поздний ужин. Кто тут разберёт, в этой крошечной пурге.

Взглянув на свечу, стоящую на куске льда, Талеко вспомнил о подсвечнике. Он видел его в квартире учительницы. Подсвечник был высокий и красивый. Талеко решил сделать такой же изо льда. Он ведь большой мастер вырезать фигурки зверей из моржовых клыков.

Талеко отколол кусок льда и со всем усердием принялся за работу. Постепенно из бесформенной массы стал появляться точёный

подсвечник. Отводя подсвечник на вытянутой руке, Талеко любовался им, подмечал недоделки и вновь принимался шлифовать кончиком ножа. Это была кропотливая работа, тем более, что Талеко работал в рукавицах. И наконец подсвечник был готов. Талеко приготовил новую свечу и стал её вставлять. Подсвечник раскололся пополам.

— Ну, это ничего,—сказал Талеко.—Второй я сделаю лучше,—и он принялся опять за работу.

Прошло много времени, наконец на ящике из-под консервов был установлен красивый подсвечник. Даже свеча горела в нём светлее.

— Вот, Лилит,—удовлетворённо сказал Талеко.—Смотри, теперь не ползай здесь: разобьёшь.

С величайшей предосторожностью мальчик влез в мешок и взял книжку. Свеча горела хорошо. В этот раз он дочитал книжку и стал читать её сначала. Но глаза устали, и он положил книгу под голову.

„Вот интересно... Ленин тоже мальчиком был“,—подумал Талеко. И это так не вязалось с рассказами учительницы о большом Ленине.

Талеко опять вспомнил школу, где весело, где каждый день были игры, танцы и песни.

Он уснул с этими думами. Но вскоре его опять разбудил щенок. Лилит совался мордой ему подмышку. Талеко чиркнул спичку, разыскивая подсвечник. Но около ящика лежали лишь мелкие кусочки льда.

— Больше не буду делать такой красивый. Надо простой и прочный.

Талеко прислушивался к вою пурги. Она выла, как стадо голодных волков. Он снял шапку, насторожился. И вдруг среди этого воя ясно послышался треск льдов. Талеко растянулся на льду. Затаив дыхание, он приложил ухо ко льду и стал слушать. Море глухо шумело.

Талеко вскочил и стал торопливо собирать нужные продукты и складывать их в спальный мешок. Лыдина была крепкая, но, может быть, придётся уходить отсюда. Теперь уже нельзя спать в меховом мешке. С волнением он сел на него. Не хотелось читать книжку, не хотелось разговаривать с Лилитом. Он сидел и чутко прислушивался к вою пурги. Он вспомнил свою чистую, тёплую ярангу, мать Уакат. Талеко знает, что она теперь тоже не спит, думает о нём и, может быть, плачет. Но ведь он хотел принести ей рыбки. Так хотелось порадовать её.

„Наверное, лётчики передали ей, что я живой, и у меня есть всё, что я не замёрзну и не умру с голода. Только бы льдина не сломалась“.

Мысли путались, сон брал своё. Мальчик засыпал и валялся на спальный мешок, но тотчас же вскакивал, и сон отлетал прочь. Бодрствуя, он опять садился на прежнее место. Так, борясь со сном, он не позволял себе залезать в спальный мешок.

* * *

Пурга бушевала три дня. Когда она угомонилась, Талеко вылез из своего ледяного домика. Кругом всё было по-старому. Лишь в стороне образовалась огромная гора льда.

Талеко поставил флаг над своим домиком и побежал к площадке. Как он и думал, её уже не было.

„Где теперь сядет самолёт?“—с отчаянием подумал он и вдруг увидел летящие к нему самолёты. Они быстро приближались к красному флагу. Один летел низко, другой над ним—высоко-высоко. Самолёты покружились над флагом и разошлись в разные стороны. Вскоре они опять сошлись и в стороне закружили. Они снизились настолько, что, казалось, крыльями заденут выступы торосов.

Талеко бросился бежать к ним. Вдруг один самолёт с рёвом пронёсся над мальчиком и что-то сбросил. Опять самолёты покачали крыльями и ушли к берегу.

Скоро гул моторов умолк. Наступила такая тишина, что хотелось плакать.

Талеко торопливо разорвал конверт и стал читать.

„Талеко!

Теперь полынья в другом месте. Там, где мы кружили. Но полынья ещё не везде замёрзла. Я видел, как плавал тюлень. Сейчас стоят сильные морозы. Скоро будет хороший лёд. Прилетим ещё. Ну, будь здоров. Будь умником. Возле флага сбросил лопату и кайлу. Почистишь бугры, если будут.

Лётчик Томилин“.

Талеко вернулся к себе и стал думать, что такое „бугры“. Наверное, это плохие места для самолёта.

Он взял ружьё и пошёл смотреть полынью. Лётчик видел там тюленя.

Как озеро с наторошенными ледовыми берегами, протянулась полынья. На середине её Талеко увидел тюленя. Он торопливо вскинул ружьё. Раздался выстрел. Громовым эхом пронёсся он по ледяным полям. Тюлень взмахнул ластами и скрылся в море. Вскоре он всплыл и остался лежать на поверхности воды.

— Убил тюленя!—закричал Талеко и потёр щеку рукавицей.

Но тюленя достать было невозможно.

„Ничего. Замёрзнет вода—и тогда можно будет взять“.

И вдруг ему ясно представилось: замёрзнет во льду тюлень—там, где, может быть, должен садиться самолёт.

„Наверное, это будут „бугры“,—подумал он. И хотя тюлени показывались ещё, Талеко уже не стрелял.

* * *

Через несколько дней полынья покрылась прочным льдом. Талеко измерил лёд—двадцать три сантиметра. Он укрепил флаг около замёрзшего во льду тюленя.

Талеко долго думал, как быть с тюленем. Вырубить его—будет дырка. Оставить—вдруг самолёт пробежит здесь и наткнётся на него. Талеко решил водрузить флаг около него, рассчитывая, что самолёт не побежит на флаг.

Но в этот день никто не прилетел. До поздней ночи прождал Талеко на полынье. С раннего утра он ничего ещё не ел и не хотелось пить.

В сумерках он пошёл к себе.

„Они, наверное, думают, что лёд ещё слабый“,—размышлял он на ходу.

Ледяной домик надоел. Талеко постоял немного, посмотрел на вспыхивающие звёзды, на голубые льды и, чтобы чем-нибудь нарушить тишину, один раз выстрелил.

— Пойдём, Лилит, будем готовить чай.

„А вдруг ночью поднимется ветер и флаг унесёт?“

Он бросил примус, вскочил, взял подмышку Лилита и побежал во весь дух к полынье. Талеко бежал без остановки. Он мигом про-

скочил это расстояние, быстро отвязал флаг и в сумерках ночи, боясь потерять направление, ещё быстрее побежал обратно. Сердце колотилось до боли, он залез в свой домик. Талеко устало прилёг на спальный мешок и мгновенно уснул.

Спустя немного времени он занялся обычными делами. За день Талеко так утомился, что, напившись чаю, он лёг и снова крепко заснул.

Его разбудил шум пропеллеров. Сначала показалось, что всё это он слышит во сне. Но когда сон стал явью, он вылез из спального мешка. От радости Талеко даже застонал. Он свалил снежную стенку, схватил флаг и без шапки побежал к полынье.

Самолёты пошли на большой круг. С волнением он привязал флаг и, стоя около него, с сияющим лицом смотрел на самолёты. От волнения он даже не в состоянии был помахать рукой. Голова его покрылась инеем.

„Вот он идёт. Спасибо тебе, самолёт!“

Как птичьи лапки, лыжи коснулись площадки, подпрыгнули, и огромная стальная птица, замедляя ход, проскочила мимо него. Вслед за ней, не чувствуя под собой ног, побежал Талеко.

Самолёт дрожал, мерно работал мотор. Талеко в одно мгновение оказался на лыже самолёта.

Бортмеханик схватил мальчика за капюшон меховой кухлянки и втащил в кабину. В этот момент самолёт дал полный газ. И когда он был уже в воздухе, Талеко первый раз заплакал. Слёзы потекли ручьём. Бортмеханик нагнулся к нему и крикнул:

— Ты что плачешь?

Талеко не мог говорить. Слёзы душили его. Наконец он еле-еле проговорил:

— Собачка там... осталась.

Бортмеханик написал несколько слов на бумажке и передал лётчику.

Прочитав записку, Томилин промычал:

— Будь ты неладен!

Самолёт сделал крутой вираж и вновь пошёл на посадку.

Щенок бегал по площадке, разыскивая своего хозяина.

Услышав рёв самолёта, он бросился в сторону и зарылся среди торосов.

Самолёт сел. Бортмеханик спрыгнул на лёд и крикнул:

— Где он?

Талеко выглянул из кабины, тревожно посматривая вокруг, и вдруг радостно закричал, показывая рукой:

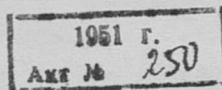
— Вот, вот он! Вон глаза его и нос. Лилит, Лилит!—ещё громче закричал мальчик.

Лилит поднялся и побежал навстречу бортмеханику. Механик схватил щенка и бегом вернулся на самолёт.

Талеко виновато улыбнулся и взял Лилита к себе на колени.

Едва поднялся самолёт в воздух, как площадка вздулась, раскололась, тонкий лёд со скрежетом и звоном пополз, повалил пешню. Флаг упал. Началось сжатие.

* * * *

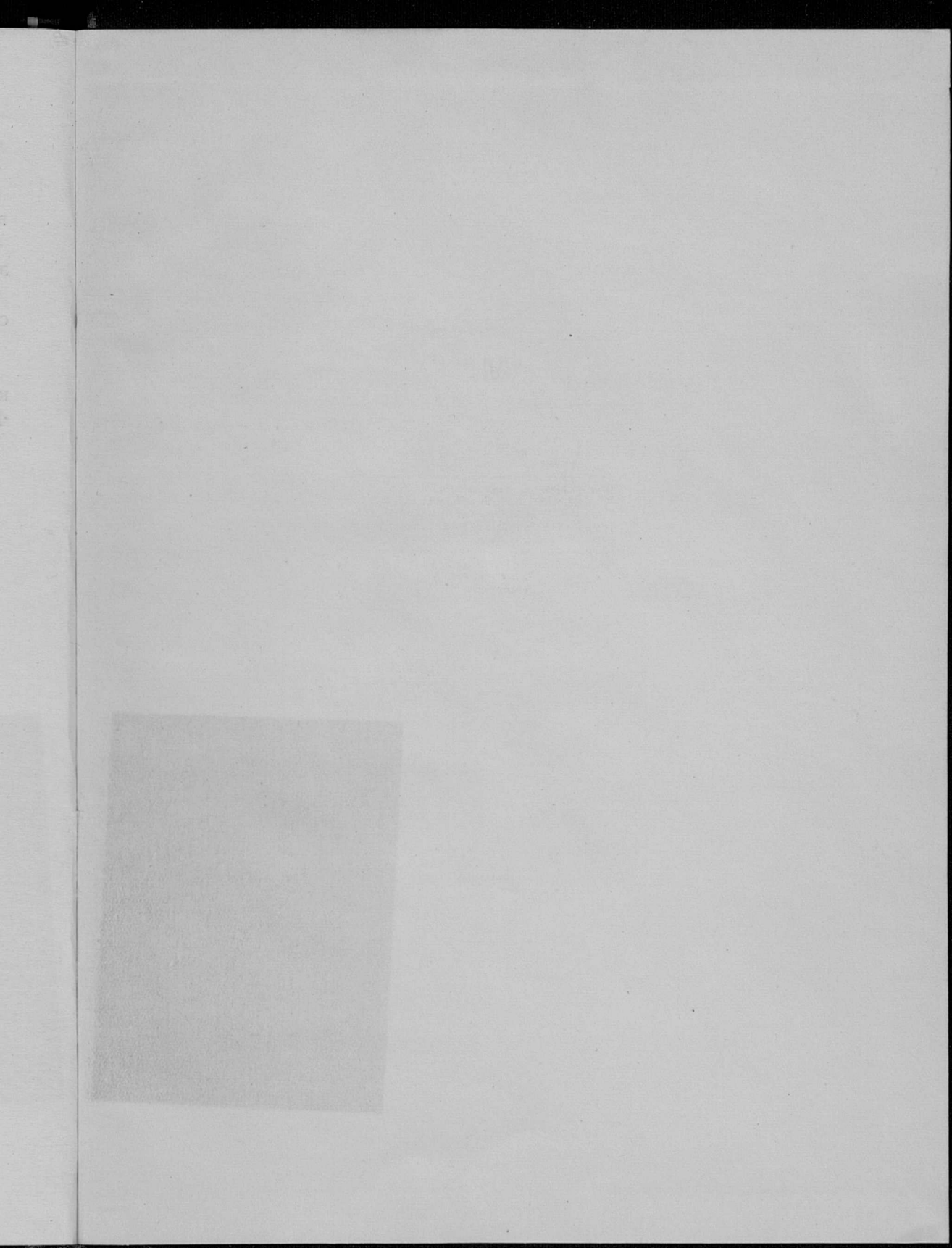

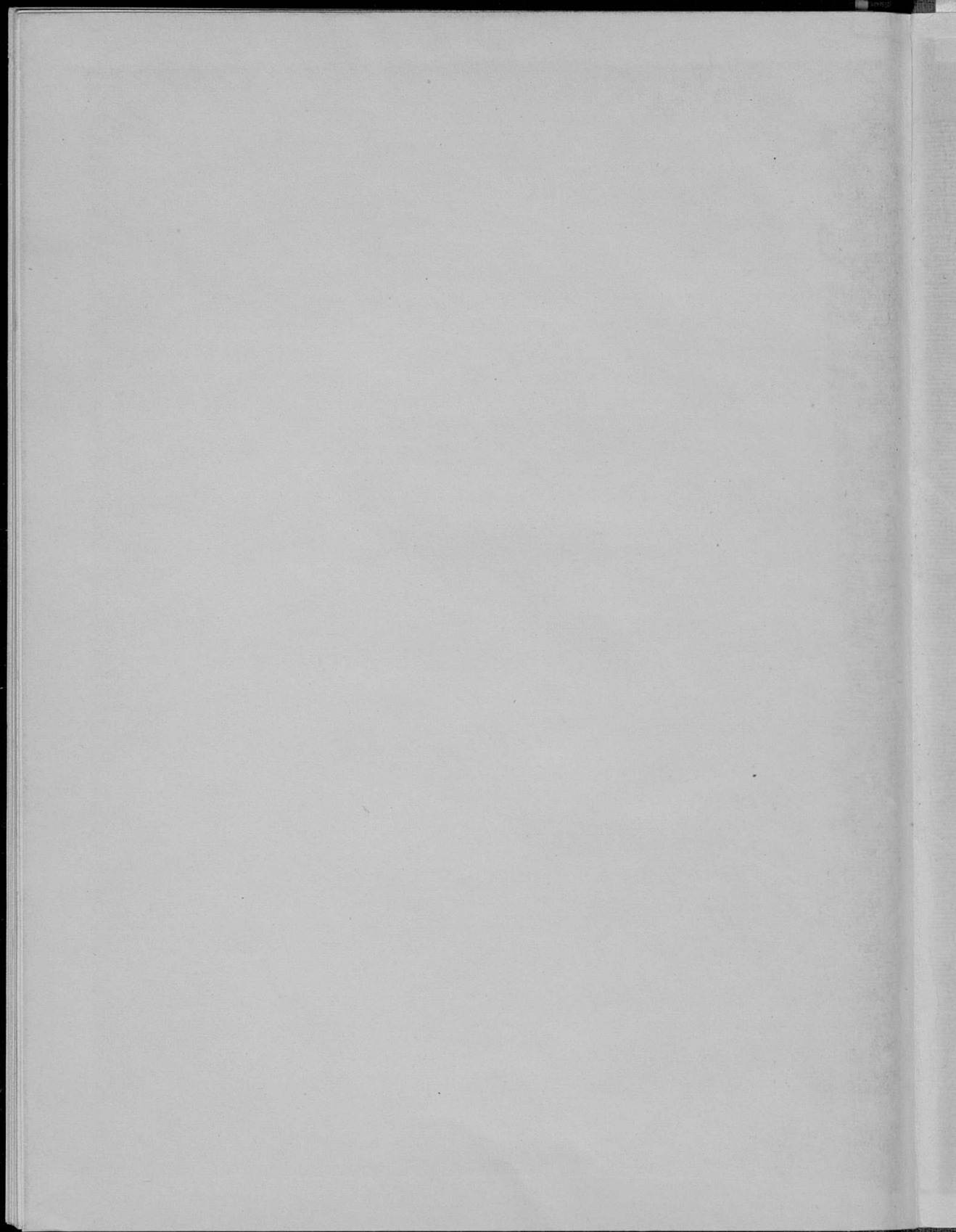
Инв. № 93

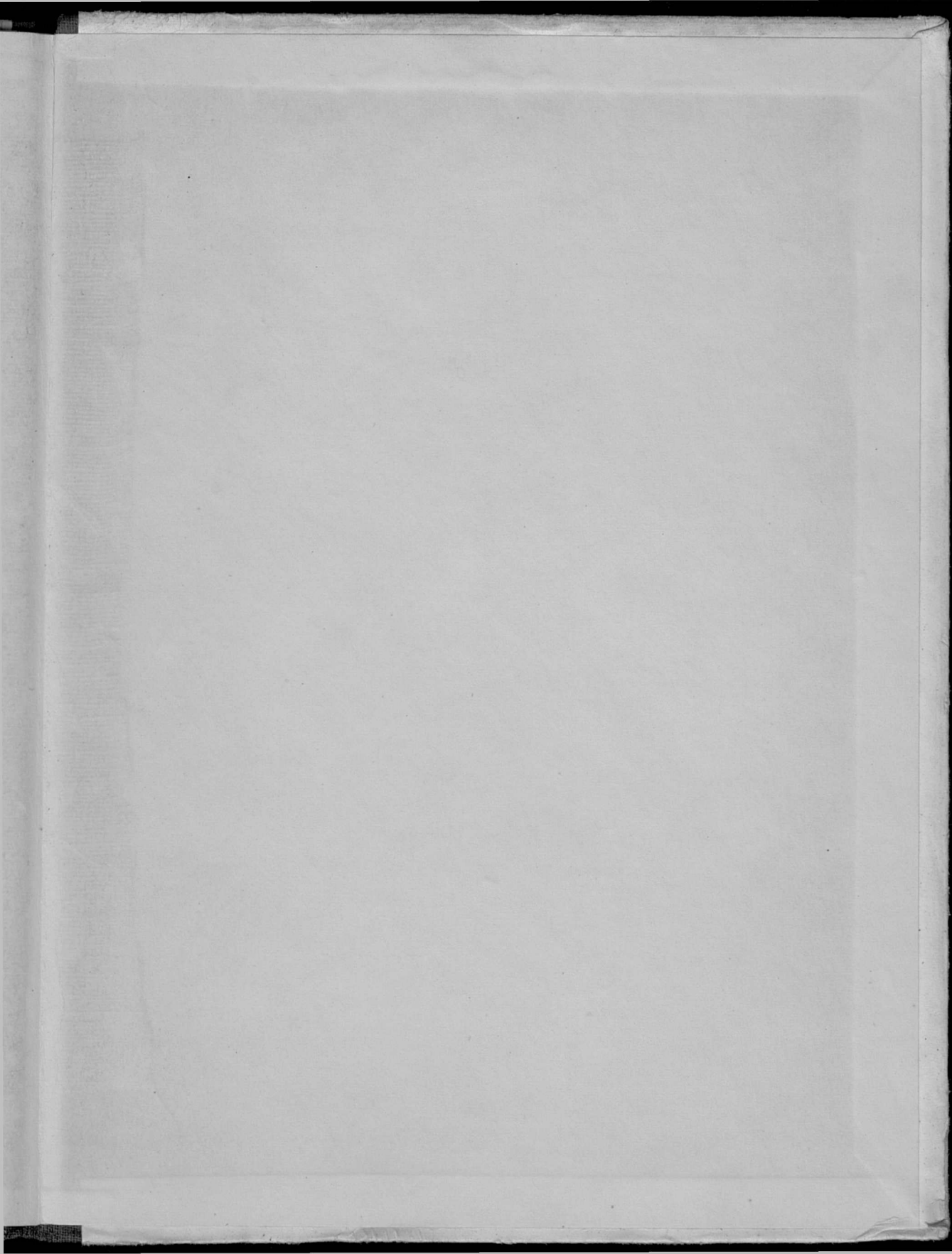
Редактор *Ю. Н. Русская.*
Техн. редактор *А. И. Тосс.*
Корректор *Е. М. Прокофьева.*

Подписано к печати 26/ХІІ 1950 г.
М 35322. Печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 2,85.
Тираж 1000 экз. Формат бумаги 70×92
бум. л. 2,0. Заказ № 1369. Цена без
переплёта 1 р. 15 к. Переплёт 40 к.

Типография № 3 Управления изда-
тельств и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета

51-2904

Цена 1 р. 55 к.

2

5533

	ХАНТ.
	3-37

Т. СЕМУШКИН

Талеко и его храбрый Лилит
на хантыйском языке